ВПЕРВЫЕ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ!
Кристофер Дж. МУР
В Паттайе
вас всегда ждут приключения.
Не всегда приятные…
АЗИАТСКИЙ РЕЦЕПТ

Кристофер Дж. Мур

Азиатский рецепт

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8271198
Мур, Кристофер Дж. Азиатский рецепт: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-74320-9

Аннотация

Добро пожаловать в Паттайю! У ее берегов вот-вот начнутся крупные военно-морские учения, поэтому в город хлынул десант моряков, ошалевших от службы и жаждущих развлечений. Параллельно с учениями здесь проходит конкурс красоты – целое событие для местного бомонда. Именно сейчас русская и тайская мафии решили провернуть совместный налет на оружейный склад – идеальная ситуация, когда все можно сделать под шумок. Однако на самом деле между налетчиками нет согласия – они соперничают как за добычу, так и за то, чья претендентка победит на конкурсе красоты. И тут в их разборки вмешивается совершенно непредвиденный фактор – в лице старой китаянки, которая всю жизнь мечтала сварить настоящее ритуальное пиво по древнему рецепту… При чем тут пиво, спросите вы? Да при всем! Потому что это – Паттайя, здесь все связано между собой. И самая малость может круто изменить жизнь сотен людей…

Содержание

Глава 01 5
Глава 02 10
Глава 03 17
Глава 04 25
Глава 05 32
Глава 06 40
Конец ознакомительного фрагмента. 41

Кристофер Дж. Мур
Азиатский рецепт

Посвящается
Кевину Бертону Смиту
и Майклу Шеппарду

При распитии пива на вас снизойдет такое озарение, что из носа непременно пойдет пена.
Джек Хэнди в программе «В субботу вечером»

За каплю сладкого пива я замочил бы всех присутствующих.
Гомер Симпсон

Christopher G. Moore
The Wisdom of Beer
© Christopher G. Moore, 2012
This edition published by arrangement with Christopher G. Moore and Synopsis Literary Agency
© Ахмерова А., перевод на русский язык, 2014
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2014

Глава 01

Через две недели после увольнительной участников «Золота кобры»[1]
17.15
Вилла тайско-китайской семьи на курорте Паттайя
Сала[2] *в глубине сада.*

Есть пиво для мертвых, есть – для живых, и есть еще старое пиво, силы которого хватило на создание целой цивилизации, – китайское пиво. В Таиланде его секрет знали только двое: Сиа Дом да его старший сын по прозвищу Пиво. Семья жила в провинции Чонбури, в особняке. Сиа Дом страшился будущего, потому что его сын полюбил *катои*[3]. Еще было ограбление склада. А еще – история о том, как немолодой *фаранг*[4] помог своей тайской матери осуществить мечту – сварить ритуальное китайское пиво. Вот как все произошло.

Ким Ханг и Уайпорн, ее подруга детства, обмахивались веерами в маленькой беседке, притаившейся в глубине сада. Такие беседки тайцы называют *сала*. На стропила *сала* повесили клетку, а в клетке на жердочке сидела попугаиха-ара по кличке Мораг и таращилась на женщин. Подруги обсуждали состав ритуального пива из последней партии; Мораг против обыкновения молчала. Мораг – странное имя для попугаихи, но его выбрал ее прежний хозяин, шотландец Макдональд. Как и весь его клан, Макдональд безуспешно старался избежать проклятия озера Лох-Морар и Мораг, местного чудища. Шотландское имя созвучно тайскому словосочетанию Мор Рак, что в переводе означает Доктор Любовь. Большинство девушек из бара, где прежде висела клетка Мораг, звали попугаиху исключительно переводным именем.

По тайским меркам подруги считались старухами. Ким Ханг исполнился семьдесят один, Уайпорн была на два года старше. В *сала* им пришлось прождать и первую половину дня, и вторую. Утром сад заволокло густым туманом, полдень принес жару и удушающую влажность. Подруги ждали, когда Дювел, волонтер туристической полиции Паттайи, уйдет на смену. Почти на пороге Дювел огорошил Уайпорн новостями, которые она не ожидала вообще услышать в своей жизни.

– Наверное, я никогда не сварю китайское пиво, – неожиданно посетовала она.

Обычно Дювел склонил бы голову набок – совсем как в детстве – и произнес: «Мае Лек, пожалуйста, ну сколько раз мы это обсуждали? На самом деле ты не хочешь его варить» («Как быстро мы оба постарели», – про себя посетовала Уайпорн).

Сегодня он глянул на нее с внушительной высоты собственного роста и изрек:

– Я знаю, как тебе помочь. Есть план.

Дювел надел форменную фуражку и, глядя в зеркало, чуть сдвинул ее набок – именно так ему нравилось.

– Еще один момент: на турполицию я теперь буду работать меньше. Сиа Дом хочет, чтобы я возил его по разным местам. – Дювел поднес палец к губам. – Пока это секрет. Не болтай о семейных делах с Ким Ханг.

---

[1] «Золото кобры» – ежегодные учения для военнослужащих из США, Японии, Сингапура, Таиланда и других стран ЮВА.

[2] Сала – место для встреч, закрытое от солнца и дождя.

[3] Катои – название «третьего пола» в Таиланде, к которому относят транссексуалов (мужчин, сменивших пол на женский) и трансвеститов, принимающих женский облик.

[4] Фаранг – слово, используемое тайцами для обозначения европейцев. Слово прочно вошло в обиход среди туристов и европеоидного населения, постоянно проживающего в Таиланде.

И ушел, не объяснив, по каким местам станет возить Сиа Дома. Впрочем, у Уайпорн отложилось лишь: «Я знаю, как тебе помочь. Есть план».

Первый глоток пива старухи долго держали во рту; проглотив, чмокнули губами и шумно выдохнули. Ким Ханг переняла такую технику от Уайпорн, а та освоила ее в калифорнийском городе Юкиа, где работала в полулегальной пивоварне на отца Дювела. Подруги сходились во мнении: так китайское пиво вкуснее, прохладнее, так все бродячие духи успокаиваются во мраке. Ким Ханг, старая китаянка с выщипанными бровями и черными вьющимися усиками над верхней губой, выплюнула сигарету и взяла с края стола небольшой бочонок. Ким Ханг осклабилась: соседка протягивала стакан двумя руками – в знак благословения и нижайшей просьбы.

– Полынь, – проговорила Ким Ханг и, причмокнув губами, добавила полынь к списку ингредиентов, который записывала себе в блокнот.

Она подлила пива Уайпорн.

– Полынь! – крикнула Доктор Любовь.

Прозвучало очень похоже на Ким Ханг. Та испуганно обернулась, прижав ладонь к горлу, точно попугаиха обладала магическим даром. Словарный запас Доктора Любовь пополнялся, в основном, за счет ингредиентов китайского пива. Ким Ханг не знала, нравится ей это или нет. Она предупреждала, что на вилле строгие правила содержания птиц. Загнанная в угол Уайпорн решила соврать – сказала, что Дювел принес Доктора Любовь на пару дней, мол, он еще не определил, серьезное это увлечение или мимолетная прихоть. Вообще-то Доктор Любовь приехала к Уайпорн на ПМЖ.

Уайпорн глянула на маленькую порцию пива, потом на блокнот Ким Ханг.

– Ах, Ким Ханг, ты не впервые путаешь полынь с восковницей.

Подруги часто спорили из-за ингредиентов ритуального пива, но полынь с восковницей Ким Ханг не путала никогда. Слова Уайпорн немного ее обидели. Нос и язык Ким Ханг напоминали иностранцев, пытающихся общаться на тайском. Прежде Уайпорн не заостряла на этом внимание. На такое самые безумные безумцы Таиланда не решились бы.

– А-Порн, таволгу в этой партии я совершенно не чувствую.

Всякий раз, когда Ким Ханг отстаивала свое мнение, Уайпорн смотрела на нее, как на слепого, который уверенно описывает голограмму. Как же не сказать ей, что у Дювела есть план относительно варки ритуального пива? Уайпорн прикусила язык.

– А сыр? Ким Ханг, не забывай сырные нотки, – проговорила Уайпорн.

– А сыр? – повторила Доктор Любовь.

Китайское пиво им поставляли еженедельно – одинаковое, и в то же время нет, словно пивовар был виртуозом, а не винтиком в сложном механизме компании-производителя. По средам дегустации нередко растягивались на два-три часа. Ближе к концу почерк Ким Ханг неизменно превращался в каракули. Китаянка винила в этом коноплю. Специфический вкус конопли чувствовался всегда, замаскированный сильным ароматом моркови.

Вечера напролет подруги обсуждали ореховый привкус ячменя и его отличие от орехового привкуса конопли. Ким Ханг считала, что перечная нота ячменя сильнее лимонного запаха восковницы, а Уайпорн считала ее мнение нарочито пафосным и соглашаться отказывалась. Вдохнув сладкий землистый аромат таволги, Ким Ханг записала ее в блокноте после полыни, которая вкусом напомнила ей салат. Уайпорн считала, что боярышник пахнет женской сексуальностью. «Либо у нее обоняние село, – думала Ким Ханг, – либо она вконец свихнулась и таблетки глотает не просто так». Подруги размышляли вслух, спорили, дулись и пили.

Ким Ханг убила комара, который сел на голую руку Уайпорн.

– А-Порн, смотри, кровь!

Она подняла ладонь и показала кровь между пальцами. Уайпорн внимательно посмотрела на свою кровь, узором растекшуюся по морщинистой ладони подруги, и хлебнула еще пива.

– Рыцарь злится, – объявила Уайпорн, кивнув на одного из игрушечных солдатиков, что стояли в саду. В мозгу Уайпорн словно замкнуло контакт, и она унеслась в мир фей, эльфов, гномов и единорогов.

Уайпорн спустилась по ступенькам *сала* со стаканом пива в руках, села на корточки рядом с солдатиком и поставила стакан на землю. Она оглянулась на Ким Ханг, которая осталась в *сала* и воспользовалась шансом наполнить свой стакан.

– Положу его на левый бок, – объявила Уайпорн. – На правом ему не нравится.

Ким Ханг уважала возраст подруги: Уайпорн на два года старше. При этом Ким Ханг – стопроцентная китаянка, а Уайпорн лишь наполовину, по матери. С одной стороны, бóльшую часть жизни Уайпорн проработала в пивоваренной промышленности. С другой, Ким Ханг, как глава семьи, владела пивом и расписывалась за его доставку. Рассчитать итоговый результат выходило не проще, чем определить ингредиенты китайского пива.

Пиво доставляли на адрес Ким Ханг, значит, настоящие власть и уважение были на ее стороне, но скоро эта монополия закончится, и Уайпорн обретет свободу. Она обещала Дювелу не сплетничать и не болтать лишнего. «Так тому и быть», – подумала она. Их с Ким Ханг объединяла твердая вера в призраки, духи и в силу пива – в этом мире и в ином. Загробный мир окружал подруг; они даже удивлялись, что другие не видят того, что видят они. Совместная вера утешала, но сильнее всего их связывала еженедельная доставка ритуального пива в китайский храм, который семья Ким Ханг устроила в *сала*, затерянной в глубине сада. Доставляли пиво по средам. В эту среду минуло ровно две недели с тех пор, как в порту Сиамского залива появились американские военные корабли, и ровно столько же со дня проведения всемирно известного конкурса красоты «Мисс Белый Сад», на котором корону победительницы получала самая талантливая и прекрасная *катои*.

Последняя сиделка, которую Дювел нанял для матери, выдержала ровно десять дней. Это значило, что в нынешнюю среду надлежало устроить особое празднование. Теперь подруги могли пить в *сала* открыто, а не из чайных чашек. Последняя сиделка – а если называть вещи своими именами, служанка – влетела через заднюю дверь, вырвала чашку из рук Уайпорн и вылила пиво в траву. Подруги в ответ наложили на нее порчу – поджарили перец чили, приправив ритуальным пивом, как часто делают, чтобы космические силы отомстили клятому врагу. Сиделка-служанка почуяла неладное и днем позже уволилась.

С незапамятных времен утром каждой среды Уайпорн выходила из дома и смотрела по сторонам в ожидании фургона службы доставки. В руках она держала большую стальную чашу с рисом: вдруг монахи появятся. В эту среду монахи появились, Уайпорн положила им по полной ложке риса, безостановочно бормоча: «Восковница… таволга… полынь». Монахи решили, что Уайпорн – хорошая буддистка и любительница ботаники. Периодически Уайпорн спрашивала монахов: «Какой, по-вашему, вкус у полыни?» Такие вопросы монахам задают нечасто.

В ответ монахи выдавали мантру, и Уайпорн пополняла список мантр, изгоняющих духов, которые таятся в саду виллы.

Уайпорн обнаружила, что с китайским пивом мантры работают лучше. Едва завидев фургон, Уайпорн стучалась к Ким Ханг. Курьеры справляли небольшой обряд в семейном храме, выгружали бочонок с пивом и ставили на алтарь. Не успевал фургон уехать, как Уайпорн протягивала стакан.

– Ах, Ким Ханг, дегустацию мы так и не закончили, – посетовала Уайпорн.

Подруги сидели в *сала* на скамейках и уже осушили по два стакана. Маленькие фигурки львов, драконов, воинов, гигантов, крылатых гаруд и фей стояли в саду группами

по трое-четверо. У Уайпорн был любимый ангел-хранитель, который защищал ее, Дювела и дом от неугомонных, злых, обезумевших от пива духов. Она твердила, что те духи взывают к ней, предупреждают о вероломстве, требуют ритуального пива, чтобы напиться, насытиться – и снова выйти в путь по загробному миру.

Ким Ханг поднесла бочонок к уху и тряхнула.

– Сколько осталось? – спросила Уайпорн.

Ким Ханг на дюйм развела указательный и большой пальцы.

– Чуть-чуть.

Уайпорн протянула стакан.

– Мы почти у цели. Сейчас останавливаться нельзя.

– Хочу его приберечь. – Так надменная Ким Ханг показала, кто пиву хозяин.

Уайпорн закусила нижнюю губу:

– Ким Ханг, разве мы не даруем последний стакан призракам?

Подруга снова встряхнула бочонок – пиво плескалось на донышке. Уайпорн знала, когда выкладывать призрачный козырь, он редко подводил.

Ким Ханг сунула нос в бочонок и принюхалась.

– Полынь в этой партии сильна, с перечными нотками.

– Ты то же самое про хмель говорила. Как мы определимся с рецептом, если у полыни и хмеля одинаковый аромат?

«Полынь!» – пробормотала Доктор Любовь. Ее голос звучал куда слабее, эдаким фоном.

Ким Ханг ненавидела, когда А-Порн ловила ее на явном противоречии. Она хозяйка бочонка, она у руля.

– У хмеля перечная нота намного сложнее, – отозвалась Ким Ханг.

– Еще глоток, Ким Ханг. Надо же проверить, что у меня вкусовые сосочки не сели.

Ким Ханг покачала головой, записывая что-то в блокнот.

– Остатки нужно приберечь. Следующая партия придет только в среду. Что делать, если призраки потребуют пива, а у нас его не будет? Что тогда? – вопрошала Ким Ханг. Для нее единицей времяисчисления был период от одной доставки до другой.

Этот аргумент Ким Ханг использовала не впервые, а Уайпорн, хоть убей, не могла придумать достойное возражение. Разве здравомыслящий человек скажет призракам, что их пиво выпили?

– Закажи еще одну доставку. Объясни тем милым мальчикам, что возникла срочная потребность. Мой сын заплатит.

На самом деле Уайпорн хотелось похвастать: «Мой сын будет шофером пивовара – знатока ритуального пива. Ему позволили водить их развозной фургон».

Ким Ханг пожала плечами. Разумеется, Дювел, сын Уайпорн, мог заплатить, только проблема заключалась в другом. Этот *фаранг* не одобрял дневные попойки Уайпорн – подругам приходилось таиться и делать подношения садовым духам после его ухода на службу. Усугублялась проблема тем, что в ту самую среду Дювел взял с матери слово, что попойки с Ким Ханг прекратятся. Очевидно, лекарства Уайпорн состояли из сложных белков, они стимулировали рост мышечной массы, но не могли настроить ее разум на частоту, на которой голосов призраков не слышно. Еще Дювел просил Ким Ханг, чтобы та помогла удержать его маму «в завязке». Ким Ханг не помогла, только разве справедливо обращаться к ней с подобной просьбой? Они ведь не просто старое пиво пьют! Ким Ханг посоветовала Дювелу не беспокоиться слишком сильно. Дювелу нравилась мечта Мае Лек сварить пиво, но он считал, что должен тщательно контролировать соотношение «сварила-выпила».

Священное китайское пиво – ровесник Великой Китайской стены. Оно древнее и таинственнее Стоунхенджа. Рецепт его загадочнее кода Да Винчи. Ким Ханг ухитрилась внушить

Уайпорн, что они на пороге великого открытия – разберутся с ингредиентами и не будут больше заложницами еженедельных поставок. Труд адский, почти как разгадывать сложный кроссворд, опираясь лишь на обоняние и вкусовые рецепторы. Потом им еще количество каждого ингредиента определять. Цель подруги избрали себе очень благородную и очень китайскую – устранить посредника.

Каждая порядочная китайская семья понимает: без ритуальных денег и ритуального пива свой род не прославишь, а бродить по загробному миру без такой еды, как отварные куры и свиные головы, значит демонстративно отречься от предков. Ким Ханг и Уайпорн считали, что овладеть секретным рецептом ритуального пива – неотъемлемое право каждого китайца. Подруги сговорились раскрыть многовековую тайну, только обратная разработка – дело непростое. С древних времен лишь девяносто девять китайских семей ведали секрет – и кару за его разглашение.

Иностранцы слишком много думают о содержании алкоголя в пиве и его взаимодействии с западными лекарствами. В отличие от Уайпорн, своей соседки и двоюродной сестры со стороны матери, Ким Ханг – чистокровная китаянка, но в достаточной степени тайка, чтобы совершать ритуал умиротворения духов, которых А-Порн недавно видела роящимися над садом. Современным лекарствам никогда не заменить ритуальное пиво.

Подруги осушили стаканы, встряхнули пивной бочонок и уселись поудобнее: конопля уже «включилась». Окружающий мир вдруг показался куда веселее. Обе засмеялись. Уайпорн клялась, что видит неподалеку единорога, жующего манго. Она смотрела на божества, разбросанные по саду, и с тревогой подумала о том, что случится, если они с Ким Ханг разгадают тайну рецепта. Станут ли ее по-прежнему приглашать в семейный *сала* и угощать пивом? Не упразднится ли ее роль главного контролера вкуса и запаха, если Ким Ханг засядет в шикарном кабинете и будет держать бочонок при себе? Такие тревоги каждого любителя пива с ума сведут.

– А-Порн, я чувствую себя долькой шоколада!

Уайпорн улыбнулась и, запустив руку в складки саронга, вытащила шоколадку, которую Дювел дал ей накануне.

– Швейцарская, – объявила она, протягивая лакомство Ким Ханг.

Старая китаянка взяла шоколадку, и ее лицо вспыхнуло, как красный фонарик.

– А-Порн, думаешь, мы приближаемся к цели? – спросила она и, отломив кусочек, вернула батончик Уайпорн. Так проявлялось ее уважение к дегустаторскому опыту подруги.

– С полынью пока неясно, – ответила Уайпорн, – но да, к цели мы близки. Ты даже не представляешь, насколько.

Мораг, она же Доктор Любовь, произнесла ровно половину слова «полынь» и хлопнулась с жердочки в глубокий обморок.

Глава 02

Дайте моему народу пива, много пива, дорогого и дешевого, тогда они думать забудут о революции.
Королева Виктория

Двумя неделями раньше
Среда, 18:13
Фойе «Хард-рок отеля».

Дювел возвышался над иностранными полицейскими-волонтерами, которые полукругом выстроились у конференц-зала. Их пятеро, форма черная, на поясах наручники, на рубашках жетоны, на макушках фуражки с пластиковыми козырьками. «Сама бдительность», – так Дювел описал бы группу. Большинство привыкли к ранним трапезам и не успели поужинать до берегового патрулирования вместе с американскими пехотинцами, прибывшими в порт для отдыха и восстановления сил. Каждого волонтера Дювел знал по имени.

Он также помнил имена трех последних волонтеров, которые умерли дома, оттрубив долгую смену на жутких улицах Паттайи. Тема старости у волонтеров – табу, хотя те трое умерли именно от старости. Оставшиеся, за исключением пятидесятитрехлетнего «юнца», были чуть моложе. В шестьдесят один Дювел оказался вторым по возрасту, и двое волонтеров звали его «сынок». Дювелу это очень нравилось: и трогательно, и, самое главное, напоминает об отце, который женился семь раз. В отца Дювела стреляли дважды (правда, один раз лишь бицепс царапнули), его били по животу металлической клюшкой для гольфа и дважды пропарывали шестидюймовым ножом; ему проламывали голову бутылкой из-под односолодового виски. При всем при этом бóльшую часть ран отцу наносили его жены. Насилие объединило семь женщин в боевое подразделение по борьбе с супругом.

На насилие их толкало инстинктивное желание приручить отца Дювела. Жены ему попадались амбициозные, каждая свято верила, что добьется большего, чем остальные. Фабричным работницам приходится несладко, а жить с отцом Дювела означало полную неопределенность, каторжный труд без стабильной зарплаты, ежегодных медосмотров, отпусков и надежды на пенсию. Постоянная ложь и безденежье – вот чем объяснялось насилие.

Уайпорн, дипломированный технолог по производству пива, стала второй женой отца Дювела. Познакомились они в Юкии. Он нанял ее для работы на мини-пивоварне и поставил заведующей производством. Через год после вступления в должность Уайпорн случайно опрокинула банку конопли в чан с пивом. Так родилась новая марка – «Утренняя роса». Народная молва сделала «Росу» хитом продаж. До сих пор пивоварня служила для отмывания выручки от торговли марихуаной. Как настоящее производство она не задумывалась и не должна была привлекать внимание. Потом Уайпорн совершила вторую ошибку – вышла замуж за отца Дювела. К тому времени пивоварня процветала: отец Дювела теперь отмывал и выручку соседей. К тому времени, как федералы заполучили бутылку «Утренней росы» и провели химанализ, Дювел уже считал Уайпорн мамой.

Уайпорн вышла за отца Дювела сразу после того, как биологическая мать мальчика сбежала, словно пьяный таец – водитель восемнадцатиколесника, удирающий от свежеразбитого полуприцепа. Традиционно бывшая и новая супруги в альянс не вступают, но Дювел убедился, что традиций не существует: всем правит случайность. Уайпорн стала кем-то вроде резидента, иностранной родственницы, экзотической личности, претендовавшей, как и другие, на отца Дювела. Родная мать бросила Дювела одиннадцатилетним, Уайпорн же

превратилась в суррогатную мать на радость женам номер три, четыре, пять, шесть и семь. Она приглядывала за мальчишкой, а те в роль матери могли не вживаться.

Уайпорн и отец Дювела стали образцами для подражания: отец показывал, как брать от жизни максимум, Уайпорн – как отдавать максимум другим. Мае Лек, или Маленькая мама, как звал ее Дювел, учила, что суть кармы – честность и помощь нуждающимся. Она называла волонтерство добродетелью. Дювел пошел волонтером в туристическую полицию Паттайи и приглядывал за стареющей Уайпорн. Другими словами, уроки Мае Лек он усвоил.

Со временем Уайпорн решила, что слишком стара для жизни в Америке. Молодые, куда лучше подготовленные пивовары с университетскими дипломами уводили лакомые должности у нее из-под носа. Нехватка образования еще полбеды. Дурная слава – «Она из Юкии, из той мини-пивоварни!» – шла за Уайпорн по пятам, как бездомный пес. Ким Ханг, двоюродная сестра и подруга детства, пригласила ее в Таиланд, к себе на виллу. Еще Уайпорн очень беспокоила стоимость медицинской страховки. Американские программы страхования здоровья оказались ей не по карману. В Таиланде страховка стоит тридцать батов, консультация у врача – один бат. Разве это не повод бросить тонущий корабль и отправиться на шлюпке в открытое море?

Таковы официальные причины возвращения. Неофициальной была должность дегустатора, которую предложила Ким Ханг. К тому же Уайпорн решила, что пора построить храм во славу своей матери на склоне невысокой горы к востоку от Паттайи. Ким Ханг рассказала ей о благотворительном обществе «Золотой дракон», которое справляет традиционные китайские обряды, включая доставку ритуальных денег и ритуального пива. Члены общества ездят на маленьком фургоне. Уайпорн считала их милыми мальчиками, а другие называли бандой «Свиная голова».

Вскоре после возвращения в Таиланд Уайпорн стала слышать голоса духов: китайские, буддистские и индуистские боги сражались за лидерство.

Дювел стоял в фойе отеля, дожидаясь коммандера[5] Сэндлера, а сам думал об Уайпорн, которая осталась дома одна. От волнения пульс зашкаливал, шея покрылась потом.

Беспокойство об Уайпорн и Докторе Любовь, у которой участились обмороки, мешало сосредоточиться на вечернем патрулировании. Другие волонтеры были само старание. Им так хотелось считаться профессионалами! Бдительные, внимательные, хоть и пожилые, они твердо верили, что проведут американских морпехов по улицам и переулкам Паттайи без единого ЧП и сопутствующих повреждений. Перед глазами у них плясали медали и орденские ленты.

Конференц-зал быстро заполнился. Волонтеры вошли, и началось собрание.

Вел собрание коммандер Сэндлер, в отглаженной тенниске, бежевых брюках и беговых кроссовках «Найк» похожий на молодого гольфиста-профи. Мускулистый, с аккуратно подстриженными усами и светлым ежиком, Сэндлер словно застрял посредине четвертого десятка. У пары волонтеров были сыновья возраста Сэндлера и внуки возраста моряков, сидящих в конференц-зале.

Дювел с сослуживцами слушал, как Сэндлер и другие представители командования инструктируют отряды берегового патрулирования.

Коммандер давал последние наставления своим парням и горстке девушек:

– Цель патрулирования – не арестовывать моряков, а устроить им проверку. Ваш долг – заметить проблему и, если она не очень серьезная, устранить ее. Используйте свое положение, чтобы защитить и уберечь моряков от опасности. Особых сложностей не ожидается, но отдельные моряки не высаживались на берег по два месяца, пиво может ударить им в

[5] Коммандер – воинское звание в военно-морских силах и морской авиации стран Британского Содружества и бывшей Британской империи, США и некоторых других стран. В российском ВМФ соответствует званию капитан 2-го ранга.

голову. Таких остерегайтесь. Углядите что-нибудь серьезное – вызывайте меня. Вас будут сопровождать волонтеры туристической полиции, но вызвать меня – ваша задача. Все ясно? Вопросы есть?

В глубине зала поднялась рука. Моряк попросил объяснить, какая проблема считается серьезной.

– Серьезной считается проблема, которую вы не в состоянии устранить. Такие нередко создают воинственные, агрессивно настроенные личности, любители раздувать скандалы. Еще вопросы есть?

Выражения лиц морпехов ясно показывали, что вопросы есть у каждого, но выражение лица Сэндлера показывало еще яснее, что он ничего слушать не желает. Руку больше никто не поднял, и собрание закончилось.

Как часто бывает у военных, все делалось шиворот-навыворот, так сказать, через задницу. После инструктажа Сэндлер вышел в фойе, а волонтеры туристической полиции Паттайи снова собрались в кучку. Сэндлер приблизился и внимательно их осмотрел, словно глава государства – почетный караул. На форме волонтеров указывалось не только имя, но и должность: командир опергруппы, замглавы следственного отдела, инспектор совместных операций, старший сотрудник по связи, специалист по системам оружия и иностранным языкам. «Ведущий специалист по МТО», – значилось на бейдже Дювела в знак того, что у него хранились купоны на скидки, членские билеты, телефоны докторов и больниц, а также телефоны и адреса электронной почты всех волонтеров.

Ценнейшим профессиональным качеством Дювела считалась твердая память. В отличие от своих коллег он не забывал ни время дежурства, ни дорогу домой. Да еще рост шесть футов семь дюймов[6] прибавлял ему авторитета.

Дювел оказался в центре нового полукруга и ждал, когда Сэндлер поинтересуется, ясно ли волонтерам, какую проблему считать серьезной. Тот не поинтересовался. Тем лучше, ведь большинство проблем волонтеров связано со здоровьем. Сэндлер остановился перед Дювелом, вгляделся в бейдж с именем и в бейдж с должностью, кивнул, решив, что ответственного за снабжение и информацию можно считать и главным ответственным за безопасность. Почему-то все только о серьезных проблемах и думали.

Дювел, самоназначенный пресс-секретарь волонтеров, заговорил, словно ему поручили выступить от имени всех.

– Сэр, мы сопроводим ваши отряды наилучшим образом.

Слово «сэр» Дювел вообще не жаловал, тем более что сегодня он был в форме, а этот «сэр» словно искал клюшку, чтобы попасть в правый доглег на основной зоне с озерцом перед грином.

Коммандер в тенниске ослепительно улыбнулся, поиграл мускулами и молвил:

– Волонтер Дювел, я – коммандер Сэндлер. Вы здесь главный, да?

Ослепительная улыбка меркла на глазах: коммандер Сэндлер присматривался к дряхлым волонтерам, два из которых едва не теряли сознание от голода и жажды.

– У наших волонтеров многолетний опыт патрулирования Паттайи, – заверил Дювел.

Сэндлер наверняка гадал, кто из них дотянет до утра.

– Иные из нас не первой молодости, да только редкий парень или девушка за нами угонятся.

Изначально фраза принадлежала Бэтти, которая служила медсестрой в Эдинбурге, потом вместе с мужем перебралась в Таиланд.

«Раз уж Дювел считается лидером этой группы, – подумал Сэндлер, – придется выделить время и потолковать с ним как командир с командиром, чтобы наладить отношения

[6] 2 метра.

между волонтерами и морпехами». И он отвел Дювела в сторонку. Через пару минут формальности сменились личными вопросами. Дювел ждал их и подготовился, решив, что расскажет, а что оставит за семью печатями. Честный и прямолинейный Дювел ненавидел ложь и притворство. Впрочем, лжецам живется куда проще, поэтому они так расплодились.

Моряки проходили мимо Сэндлера с Дювелом, которые устроились возле конференц-зала. С учетом разницы в возрасте эти двое тянули на отца и сына. Примерно так же Сэндлер и смотрел на Дювела – молча удивлялся, неужели этот старикан носит отглаженную форму с блестящими пуговицами, бейджами, бляхами; плюс боевой пояс с фонариком, наручниками, сотовым; плюс патронную сумку, где хранит ключи к наручникам? Волонтеры туристической полиции Паттайи представлялись Сэндлеру живыми противоречиями; старые *фаранги* в форме – как научный эксперимент по путешествиям во времени, который пошел не по плану.

На фоне других волонтеров Дювел казался Сэндлеру старшим братом, особенно в скудно освещенном фойе. С «братом» можно попить пива и поболтать о нелегких победах в логистике. Сэндлер специализировался на логистике, именно поэтому его и отправили на берег инструктировать патрульных.

Опыт совместного патрулирования с американскими морпехами убедил Дювела, что янки, особенно янки в форме, запрограммированы задавать один и тот же вопрос. Его почти не удивляло, когда программа сбивалась и вопрошающие углублялись в дебри его прошлого.

– Ну, что привело вас в Паттайю? – полюбопытствовал Сэндлер.

– Женщина, – вздохнул Дювел. Он сказал правду, только эта правда не давала свободно дышать.

Воображение Сэндлера работало быстрее, чем лопата могильщика в дождливую ночь.

– С ними хреново, и без них хреново, – изрек коммандер.

Будь клише артиллерией, коммандер в одиночку потопил бы вражеский флот.

– Как ее зовут? – допытывался Сэндлер, вполне вежливо, хотя его надменное, самодовольное лицо дышало презрением напополам с жалостью.

С такой реакцией Дювел сталкивался бесчисленное множество раз – с гримасой немого стандартного разочарования в его здравомыслии, моральной устойчивости и дисциплинированности.

– Я всегда звал ее Мае Лек, хотя по-настоящему ее зовут Уайпорн. Хун Уайпорн. Для близких друзей – А-Порн.

Коммандер нахмурился: это ведь иностранный язык, которого он не знает, хотя должен знать, а старик-штатский над ним стебется.

– Порн?

– Расхожее заблуждение иностранцев. В переводе с тайского «порн» означает «благословение».

– Да, конечно, – кивнул Сэндлер. Именно словом «благословение» большинство моряков и морпехов описали бы время, которое проводят на корабле в обществе журналов, видео, комиксов и рисунков откровенного характера.

«Хватит уже о порно», – решил Дювел и поспешно сменил тему.

– Мае Лек в переводе означает «маленькая мама», – объявил он.

Сэндлер уже запутался в дебрях тайского. Слово «мама» в сочетании с эпитетом «маленькая» заставило его вздрогнуть, как от удара. Дювел собирался развить тему размера, добавив, что Маленькая Мама недавно отпраздновала семьдесят третий день рождения. Сэндлер казался сильным и морально устойчивым, но такой «размер» доконал бы его.

– Недавно она отмечала день рождения. Я купил ей торт и мороженое.

– Проследите, чтобы она школу закончила, – посоветовал Сэндлер.

– Школу? Это вряд ли.

Сэндлер помрачнел, думая, какой эгоистичный ублюдок этот Дювел, раз работает в порноиндустрии с малолетней малообразованной девочкой. На культурном ликбезе в Сан-Диего его предупреждали о подобных безобразиях и советовали не сходиться с местными слишком близко, будь они тайцами или другой национальности.

В глазах коммандера Дювел увидел презрение, такое никаким ликбезом не скроешь. Он хотел уточнить, что женщина, ради которой он перебрался в Таиланд, – его мачеха, разменявшая восьмой десяток, но упустил удобный момент. Тем более что это откровение могло вызвать уйму ненужных вопросов. Долго их общение не продлится, впереди совместное патрулирование – стоит ли раскрывать перед Сэндлером всю книгу о тайнах, сговорах, предательствах и разочарованиях? К примеру, для начала придется объяснить, что эта семидесятитрехлетняя женщина ему не биологическая мать, а номер два в длинном брачном списке его отца.

Дювел не упомянул ни семь бывших жен отца, ни психическое заболевание Уайпорн, ни ее страсть к пиву, ни поклонение китайским предкам, ни духов с призраками. Он остановился, пока за одним откровением не потянулось другое, пока он не потерял счет времени, не забросил поручение и не сорвал миссию. Его задача – провести береговой патруль по улицам Паттайи. Сэндлеру, морпеху-профессионалу, личные подробности не нужны. Сам он вопросы точно не поощряет.

Сэндлер чувствовал, что узнал предостаточно. Дювел перебрался в Таиланд ради женщины… Коммандер получил острый, удачно расположенный крючок, на который мог вешать новые факты о Дювеле.

Двое мужчин разного возраста и размера стояли в фойе, хотя оба желали находиться в другом месте. Сэндлер пришел на собрание во всей красе – прямиком из спа-салона и парикмахерской, старательно играл роль профессионала до мозга костей и не сводил глаз с окружающих, будто меряя их невидимой линейкой. Волонтеры туристической полиции напомнили ему иракских ополченцев, которые разбежались, едва заслышав выстрелы. С этими волонтерами ему предстояло работать. Впрочем, чтобы сделать военную карьеру, да еще успешную, приходится довольствоваться имеющимся, а не ныть о том, что нужно или хочется.

Разговор оборвался, когда Сэндлер жестом показал на трех моряков, которые топтались неподалеку, терпеливо дожидаясь того самого жеста.

– Вот ваш отряд, – сказал Сэндлер Дювелу, когда они приблизились. – Удачи! Спаси, Господь, ваши души! – добавил он со всей серьезностью.

Дювел вгляделся в лица своих патрульных. Двум парням и девушке не терпелось попасть на улицы. Только патрулирование – не прогулка по магазинам. Отряды выполняют задания – следят, чтобы моряки вовремя возвращались на корабли, чтобы все было тихо-мирно. Никаких задержек, никаких отговорок, никакой заразы.

К роли сопровождающего Дювел относился серьезно. Раз молодым патрульным предстоит обойти темные закоулки, пивбары, ночные клубы, стрип-дансинги, столкнуться с распространителями, лоточниками, работниками секс-индустрии, русскими, иранскими и китайскими туристами, он разъяснит им их цель. У всех волонтеров туристической полиции Паттайи цель одна – к полуночи вернуть своих подопечных в отель невредимыми и неиспорченными.

Отряд Дювела слушал, вопросов не задавали. Для них начальник был пожилой версией Сэндлера.

Патрульные называли свои имена, и Дювел составлял о них первое впечатление. Голубоглазая девушка Монтана в белой тенниске с нашивкой «БП» на рукаве кивнула ему и снова

уставилась в айфон. Сообщение она набирала, как страдающий синдромом Туретта[7], для которого суета – облегчение. От дисплея девушка оторвалась, лишь чтобы прочесть фамилию на бейдже Дювела.

Кличку Монтана девушке обеспечил родной штат. По-настоящему ее звали Бэкер, но Дювел соглашался с сослуживцами девушки, что это имя не для молодой особы из городка с 1214 жителями, которая не успела провести за пределами Америки и трех недель. Свежая бойкая пышка с белокурым «пажем», Монтана получила диплом электромеханика и сразу же поступила в офицерскую школу. Она и оглянуться не успела, как оказалась в фойе паттайского отеля с айфоном в руке. За пределами США девушка провела ровно восемнадцать дней. На корабле она стала офицером по связи. Неофициально связь с внешним миром она поддерживала благодаря «Твиттеру». У нее было девять тысяч подписчиков – в основном, молодых людей, которые провели за границей менее восемнадцати дней и восторгались Монтаниными описаниями мира – подобное они и представить себе не могли. Последние десять твитов Монтана отправила из отеля. С тех пор у нее прибавилось двести подписчиков.

Лэнни стоял в стороне: руки по швам, глаза настороженные, словно в присутствии хищника. Когда Дювел попросил представиться, тот принялся сжимать и разжимать кулаки. Белая тенниска обтягивала грудь, выставляя напоказ рельефное тело спортсмена международного класса, боксера второго среднего веса или африканского воина. Вот Сэндлер его окликнул, и Лэнни выступил вперед с гибкой грацией и изяществом.

Жизнь Лэнни – длинная цепочка переездов. Родился он в Кении, трехлетним родители перевезли его в Германию, пять лет спустя еще раз снялись с места и рванули в Нью-Йорк. Монтана восторгалась кенийским акцентом Лэнни: разве не здорово, что человек так жутко говорит по-английски, но его понимают практически без проблем?

В автобусе, доставлявшем морпехов с корабля, Лэнни с Монтаной сели вместе и открылись друг другу (в основном, открывалась Монтана). Тогда Лэнни и рассказал девушке, как однажды вечером командир задержал его для разговора. Улыбка супергероя, впалые щеки, глаза горят, словно у тыквы на Хэллоуин, – вот каким было его лицо. Капитан пригвоздил Лэнни к переборке и зашептал: «Ты же не станешь отправлять секретные послания в Белый дом? По тайным каналам, лично в руки нашему главнокомандующему с кенийскими корнями? Что он тебе посулил? Адмиральские погоны к двадцати четырем годам и командование флотом в придачу? Читал я, как вы, африканцы, соплеменников вытягиваете. Предупреждаю: я с тебя глаз не спущу».

Такие речи потрясли Лэнни до глубины души. Он поклялся Монтане, что у него нет тайных каналов связи ни с Белым домом, ни с каким другим.

– Ты не признался бы, даже если бы были. Иначе какие же они тайные?

С железной логикой не поспоришь, и Лэнни не стал, только попросил Монтану не болтать, что он родился в Кении.

– Лады! – отозвалась Монтана, подмигнув.

Если Монтана рассчитывала, что это соглашение успокоит Лэнни, то сильно ошибалась. Может, он все-таки был из одного племени с Обамой. Морской флот научил девушку, что возможно абсолютно все, только бы бюджет покрывал расходы. В автобусе она улучила минутку, чтобы твитнуть: «У черного парня с моего корабля компромат на Обаму. Офигеть!»

Офицер Монтана и рядовой Лэнни оказались в команде Дювела. Монтана так и льнула к Лэнни. Дювел гадал, поощряет ли ВМС США подобную сплоченность.

Последним во вверенной Дювелу команде оказался офицер по фамилии Ходжес. Рожденный в Мэйне, он даже школу бросил, чтобы стать морпехом, и был старше Монтаны и

[7] Синдром Туретта – расстройство нервной системы. Характеризуется множественными моторными тиками и как минимум одним вокальным или механическим тиком.

Лэнни не только по возрасту, но и по званию. Тридцатилетний лейтенант морской пехоты с двумя высадками в Ирак за поясом, Ходжес казался подавленным. В его мыслях неизменно присутствовали сорок восемь пехотинцев из отделения, с которыми он служил в Ираке. Тенниска делала его похожим на школьного физрука – еще бы свисток на шею и папку-планшет в руки. Как и другие морпехи, он носил уставную короткую стрижку, только на Ходжесе она смотрелась естественно.

Стрижка, тяжелый взгляд и поджатые губы Ходжеса говорили о большом боевом опыте, упорстве и токе адреналина в крови. Лэнни с Монтаной тотчас ему подчинились. Ходжес не оставил сомнений: Дювел для них вроде иракского переводчика, приставленного к патрулю. К нему обратятся, только если понадобится уточнить у местных, где скрываются враги и где ждет засада. Он им не ровня, не член отряда и никогда им не будет.

Патрульный отряд Дювела, шесть других отрядов в сопровождении волонтеров туристической полиции, американские пехотинцы и моряки вышли из отеля. Каждому отряду предстояло патрулировать определенный район. Они вместе разработали специальную туристическую карту с указанием всех баров, ночных клубов и притонов.

Дювел решил порадовать своих хорошей новостью:

– Отряд, нам досталась Уокинг-стрит!

В ответ он услышал молчание: разумеется, американцы о Уокинг-стрит знать не знали.

– Следуйте за мной! – велел Дювел.

Сэндлер наблюдал, как отряды выбираются из отеля на улицу, и гадал, кто позвонит ему первым и сообщит о буйствующем моряке. Или кто первым сообщит о том, что обессилевшему волонтеру пришлось колоть физраствор. «Налаживаем отношения с аборигенами», – пробормотал он. Главное – понравиться местным, и чтобы босс до отплытия услышал, как жители Паттайи просят американских морпехов остаться. А вот Дювел, затягивающий малолеток в сети порнобизнеса, очень его беспокоил.

Глава 03

Пиво я уважаю.
Рассел Кроу

Среда, 22:38
Стоянка отеля «Гранд-Импала»

Молодой американский морпех сел на корточки перед красным «БМВ» и вгляделся в красные номерные знаки. Поднялся, сунул бумажку в карман и пару минут переминался с ноги на ногу. Затем влез на крыло, переполз на багажник и выпрямился, вытянув руки по сторонам, как канатоходец, удерживающий равновесие. Последние несколько часов они с сослуживцами пили пиво, заблудились, потом сообразили, где находятся. Когда забрели на стоянку отеля, мочевой пузырь морпеха едва не лопался. Маленький шажок вперед – морпех рыгнул, расстегнул ширинку и выпустил пенис на волю, словно дрессированную змею. Морпех широко улыбнулся двум приятелям, которые, устроившись неподалеку, пили пиво и подначивали его.

– Трахнешь красную машинку, да, Лопес?

В одной руке Арнольд держал бутылку пива «Сингха», другой заправлял футболку в джинсы.

– На инструктаже не говорили, что стоянки и машины – запретная зона, – отозвался Лопес. – Дай еще бутылку!

Арнольд открыл «Сингху» и протянул Лопесу.

– Пошли в жопу эти богатики, если невинных шуток не понимают!

– Ага, пошли они все в жопу! Морпехи мы или нет?!

Лопес сделал большой глоток и глянул на пенис: моча поливала багажник, лобовое стекло и крышу «БМВ».

– Лопес, ты что творишь? Или в Южном Лос-Анджелесе латиносы так машины моют? – вопрошал Крюгер, чуть менее пьяный, чем Лопес с Арнольдом. Он надеялся, что в один прекрасный день разбогатеет, и искренне восторгался теми, кто ездит на «БМВ».

Лопес махнул бутылкой «Сингхи», которую сжимал свободной рукой.

– Мамашу свою спроси. Она спец по «золотому дождю», иначе на какие шиши тебя, бездаря, учиться отправила?

Крюгер покачал головой и приложился к своей бутылке.

– По-моему, зря ты тачку портишь.

– Тебя кто спрашивал? – огрызнулся Лопес. – Или я в тот момент отлучился?

Прежде Лопес не залезал на люксовые машины и не мочился на лобовые стекла. Но в тот вечер он выпил девять бутылок пива и плохо держался на ногах. Раз – он снял тенниску, помахал ею над головой и швырнул Крюгеру. Тот поймал тенниску одной рукой, а Лопес вернулся к своему занятию. Пиво выливалось из него под хорошим напором, и он старался не замочить ноги.

Морпех, у которого на руке красно-бело-синяя татуировка с флагом, а под ним надпись Semper fidelis, что в переводе с латыни означает «Всегда верен», предан Корпусу морской пехоты и сорвиголова по умолчанию. Лопес сделал себе такую татушку на груди.

Стрижка под «ежик», бульдожьи челюсти, по-обезьяньи длинные руки, мускулистые ноги – вот каким был Лопес.

– Идеальный пехотинец, – похвалил себя он, глядя через плечо на приятелей. Те ржали и прикладывались к початым бутылкам «Сингхи». – Такой не боится риска. Вперед и только вперед – неудержимая машина смерти.

– Подлая, до зубов вооруженная ссущая машина, – подначил Арнольд.

– Лопес, вытаскивать член в общественном месте не рискованно, а глупо, – сказал Крюгер, который в двадцать рассуждал, как сорокалетний.

– Пехотинца врасплох хрен застанешь, – заявил Лопес.

Струя била все с тем же напором. Лопес втянул живот, старательно выпятил грудь и давай стучать по ней, изображая Тарзана.

– Я воин, мать вашу! Проверяю мореходные качества этого десантного катера.

Лопес поднял ногу и, чуть не падая, выпустил газы. Лишь сейчас он заметил, что на пассажирском сиденье «БМВ» кто-то сидит. Откуда взялась эта девица? Похожа на блондинку из бара. Неужели у него глюки? Она ведь дала пятьсот долларов, чтоб он обоссал машину? Она объяснила по телефону, где стоит «БМВ», а сама сидит здесь, в тачке, словно все путем.

«Ч-ч-черт! – подумал он. – У дамочки, мать ее, мозги набекрень».

Дамочка не так чтобы игнорировала забавы Лопеса, а болтала по телефону, поглядывая на него. Ни злости, ни досады у нее на лице не было, словно такое происходит ежедневно: морпех залезает на багажник и низвергается фонтаном переработанного пива.

– Погнали отсюда, – предложил Арнольд, но было уже поздно.

Через стоянку отеля спешили три стройных молодых тайца в нарядах для лучшего вечера в жизни и девушка в короне. Тайцы смеялись и болтали, не подозревая, что сейчас увидят. Двое из той компании принялись в шутку тузить друг друга. Даже во тьме пехотинцы заметили, как странно у тайцев уложены волосы – не шипами, а целыми за́мками с башнями, шпилями и колокольнями.

– Только гляньте, какие у того хлыща волосы! – заржал Крюгер. «Гражданские частенько не замечают, кто посягает на их территорию, и платят за это жизнью, – подумал он. – А такие волосы делают идеальной мишенью: снайпер не промахнется, даже если сидит за целую милю».

Арнольд схватил Лопеса за ногу и попробовал стащить его с машины.

– Нам пора. Миссия выполнена.

Одной рукой Лопес отбивался, другой отшвырнул бутылку «Сингхи».

Звон бьющегося стекла привлек внимание компании, вторгшейся на территорию стоянки. Болтовня, шутки и дурачества оборвались, улыбки померкли. Один из тайцев что-то крикнул пехотинцам.

– Какого хрена ему надо? – спросил Арнольд.

– А он, часом, не спрашивает, сколько должен за мытье машины? – подначил Крюгер.

– Заткнись! Я все утрясу, – пообещал Лопес.

Поздно спохватились: тайцы уже подошли. Девушка с ними была длинноногая, с целым водопадом кудрей, на высоченных каблуках, в обтягивающей мини-юбке. А еще на добрых четыре дюйма выше любого из парней. На голове у нее красовалась корона, синяя лента охватывала правое плечо, грудь и исчезала на талии.

– Вы знаете этих *фарангов*? – спросила Тиффани, поправив корону.

– Детка, я хочу узнать тебя поближе… Хочу обвязать ноги твоей лентой… – пролепетал Лопес. – Гони этих пидоров, и мы с тобой оторвемся.

Алиса, русская блондинка, открыла окно «БМВ». Лопес был живой, заведенной дальнобойно-ссущей машиной с компактными мускулами, а от ссор уходить не умел. Одну ногу он так и держал на «БМВ», руки на поясе.

– Эй, у тебя проблемы? – проорал Лопес.

Молодые тайцы явно пересмотрели боевиков – рванули к пехотинцам, осыпая их ругательствами на родном языке. В переводе с тайского ругательства означали, что матери пехотинцев отсасывали у варанов и ложились под буйволов за мешочек красного риса, кишащего паразитами. Впрочем, американцы и без переводчика понимали: молодые люди не рады, что Лопес обоссал их машину.

Чек вырвали из чековой книжки и вложили в коробочку с чеками. Пришло время платить.

Пехотинцы приготовились к бою.

– Полный абзац гарантирован, – проговорил Крюгер.

– Не на тех напали, – сквозь зубы процедил Лопес. – А с волосами у вас что? Ребята, вы как жертвы цунами! Смотри, Крюгер, смотри! Видал такие причесоны?

Лопес спрыгнул с машины, удачно приземлился и не дрогнул, когда главный таец (судя по тому, как держались он сам и его спутники) заорал на него. Когда Лопес показал средний палец, таец остановился под фонарем и вытащил из поясной кобуры девятимиллиметровый пистолет.

«Крюгер прав, – подумал Лопес. – Полный абзац гарантирован». Таец стоял метрах в пяти от Лопеса и держал его на мушке. Лопес немного пожалел, что так резко высказался о тайских прическах: пожалуй, он усугубил и без того непростую ситуацию.

Блондинка выбралась из салона. Неужели это она нанимала Лопеса в баре? Гламурная киса превратилась в ниндзя, сосредоточенного, просчитывающего каждое движение. Она подошла к тайцам.

– Пиво, да плюнь ты на них! Дурачки же малолетние.

– Лопес, тебя назвали дураком, – пожаловался Крюгер.

– Тут она права, – заметил Арнольд, глянув на Лопеса.

– Дамочка, этот тайский хлыщ вам друг или нет? – спросил Лопес. Он не сводил глаз с пистолета и сжимал кулаки.

Судя по внешности и поведению Алисы, слово «друг» не отражало сути ее отношений с Пивом.

– Скажите ему, пусть не наживает проблем на свою задницу и спрячет пушку.

– Если кто и наживет проблемы, так это ты, говнюк, – сказал Пиво. Тиффани хлопала глазами и таращилась на большой пистолет в руке у приятеля.

– Оно говорит по-английски, – отметил Лопес.

– Офигеть! Лопеса хочет замочить тайский хлыщ по имени Пиво, – заржал Арнольд. – Что на это скажет твоя мамаша?

– Не просто хлыщ, а хлыщ с помадой на губах, – уточнил Крюгер, присмотревшись к Пиву, который стоял в островке света. – Лопес, твоей репутации конец. Ты не украсишь себе биографию, если на стоянке отеля нарвешься на пулю азиатишки с красной помадой, подведенными глазами и укладкой а-ля пчелиный улей.

Волосы Пива напоминали не то шипы, не то перья черного лебедя, потрепанного ураганом, и игнорировали земное притяжение благодаря тюбику геля для укладки. Ворот светло-зеленой шелковой рубашки стильно поднят; поверх рубашки дорогой, ладно скроенный пиджак цвета бронзы, к нему брюки в тон, на ногах туфли из крокодиловой кожи – по крайней мере, при слабом освещении стоянки казалось, что они из кожи какой-то болотной твари.

– Крюгер, что за чушь ты несешь?

– Приколов в жизни хватает, – с улыбкой ответил тот, глядя на пистолет. – У людей вопросы возникнут. Вдруг ты отсасывал у Пива, да неудачно? Пиф-паф, и трындец герою-десантнику. Вот я о чем.

По правую руку от Пива стоял Пиано в очках с толстыми стеклами и черной оправой, по левую – Банк, на шее которого болталась золотая цепь с пятью амулетами. В общем, рим-

ских легионеров они напоминали не больше, чем модели, дефилирующие по «языку». Прозвища молодых тайцев наводили на мысль, что тонкостям рукопашного боя их не обучали.

Пиво отвернулся от Тиффани, тело которой, затянутое в красное платье с блестками, да еще на каблуках, напоминало песочные часы, искажавшие пространство и время. В общем, фигура не трансвеститская, а женственнее, чем у любой женщины. Тиффани улыбалась Крюгеру, и тот принимал ее авансы за чистую монету. Мало кто понимает, сколь ловко *катои* обращаются с оружием. Отчасти поэтому Пиву нравилось брать ее в тир. Никто из его подчиненных – ни в прошлом, ни в настоящем – не умел так быстро перезаряжать пистолет. Тиффани училась на ветеринара, уже на четвертом курсе, и мозгами не была обделена. За курсовую о половых органах лошадей, крокодилов и слонов она получила высший балл.

– Что вы задумали? – орал Пиво, стиснув рукоять пистолета.

Дрожащими руками он прицелился в огорошенных морпехов, которые медленно приближались к машине. На стрельбище Тиффани замечала, как волнуется Пиво, когда вытаскивает пушку. Разумеется, он знал, что нужно успокоить сердце и душу, но все увещевания были как об стенку горох.

У морпехов включился «автопилот». С Пивом они разобрались как организованный боевой отряд. Скорость, своевременность, фактор неожиданности слились в едином порыве. Лопес выхватил у Пива пистолет и ударил его по лицу – не сильно, хотя вполне достаточно, чтобы сбить с ног; Арнольд врезал Пиано, который тотчас упал, Крюгер повалил Банка. Как и большинство операций по физическому подавлению, эта получилась молниеносной. Полуослепший Пиано на четвереньках нащупывал очки, амулеты Банка гремели, как игральные кости. Стояла теперь одна Тиффани и, подбоченившись, наблюдала, как копошатся Пиво с адъютантами.

– Они нас убьют, – проговорил Банк, наклонив голову, как Рей Чарльз[8] в ожидании реакции публики.

– Если бы мы этого хотели, ты был бы уже мертв, – заявил Лопес, крепко держа чужой пистолет. Банк заморгал, решив поверить *фарангу* на слово и подняться.

Алиса закурила, оценивая ущерб.

– Пиво, ты как тойтерьер, задирающий ротвейлера. Возможностей своих не знаешь.

– Его зовут Пиво? – спросил Лопес.

– Для друзей Пивасик, – подначил Арнольд.

– Для врагов Лагер, – добавил Крюгер.

– Вы знакомы? – спросил Лопес, глянув сперва на Алису, потом на Пиво.

– Мы вместе ведем дела, если ты это имеешь в виду, – ответила Алиса.

– Пивные дела, – широко улыбнулся Лопес.

Пиво с ухмылкой поднялся и отряхнул льняной пиджак от грязи. Он глаз не сводил со своего пистолета, который Лопес зажал в руке – твердой и уверенной руке.

Лопес прицелился Пиву в лоб:

– Спокойно, ребятки. У вас ведь запасной ствол не припрятан?

Пиво покачал головой. Тиффани тоже покачала головой. Хлюпики, вроде Пиано и Банка, пушек не носят, но со счетов их сбрасывать не стоит.

Алиса подошла к Лопесу и медленно опустила ему руку с пистолетом.

– Еще кого поранишь, – проговорила она.

Тиффани восхитилась ее отвагой. «Яиц нет, а крутая! Почти как я до операции», – подумала она.

– Верни Пиву пистолет, – отчеканила Алиса с русским акцентом.

---

[8] Рей Чарльз – американский незрячий музыкант, автор более 70 студийных альбомов, один из известнейших в мире исполнителей музыки в стилях соул и ритм-энд-блюз.

Лопес залился краской. Лишь мрак мешал другим увидеть пунцовый оттенок его щек. Лопес не умел ни врать, ни хранить секреты: щеки, как неоновая вывеска, выдавали его с потрохами.

– Нет, не могу.

– Вам крышка, всем вам! – надрывно заорал Пиво. Банк и Пиано успели оклематься и стояли рядом с ним.

– Похоже, ты в ситуации не разобрался, – проговорил Лопес. – Пушку я тебе не отдам.

Тут показался береговой патруль, точнее, Ходжес. Он вел свой отряд через юго-западный угол стоянки. Ходжес и следовавший за ним Дювел увидели у Лопеса пистолет.

– По-моему, тут проблемы, – сказал Дювел.

На инструктаже Сэндлер предупреждал, что проблемы пойдут целыми косяками и что, мол, нужно разбираться и решать их в зависимости от категории. Есть простые проблемы, есть серьезные, а есть такие, что лучше не ввязываться. Лопес, пехотинец ВМС США, держащий на прицеле мирных тайцев, относился к последней категории. Это же Паттайя, стоянка отеля, а не засада боевиков в Ираке. На мирной тайке корона… Ходжес, как старший по чину, взял командование на себя.

– Бросай оружие! – закричал он, приближаясь к пехотинцам и горстке тайцев, которые в боевых стойках застыли у «БМВ». Машина воняла, как отхожее место неподалеку от Кандагара, метрах в пятидесяти от шоссе А1, которым он однажды воспользовался.

– *Джай йен*[9], – сказал Дювел тайцам. – Мы вам поможем.

Дювел узнал Пиво, его адъютантов и решил, что его присутствие восстановит порядок. Неверно решил.

– Никакого тебе *джай йен*, Дювел! – заорал Пиво.

– Вы знакомы? – спросил Дювела Ходжес.

– Паттайя – город маленький, а они…

– Я разберусь, – перебил его Ходжес.

Дювел пожал плечами:

– Вам стоит понять психологию тайцев.

Порой он сомневался, что понимает тайцев сам, и, вообще, что их понимает хоть кто-нибудь, включая самих тайцев.

«На мушке гражданские, значит, рассуждать не след», – подумал Ходжес и, проигнорировав совет Дювела, остановился футах в шести от Лопеса.

– Какого хрена вы тут творите? – прошипел он.

– Сэр, таец прицелился в меня. Я защищался.

– Но тайцы не вооружены, – заметил Ходжес.

– Сэр, пистолет принадлежит этому тайцу, – Лопес показал стволом на Пиво. – Я конфисковал оружие ради его собственной безопасности и ради безопасности моих сослуживцев.

Арнольд и Крюгер закивали, подтверждая слова Лопеса.

– Сэр, стараниями Лопеса ситуация не вышла из-под контроля, – добавил Крюгер. – Тайцы угрожали нам пистолетом и хотели ограбить. Мы защищались, сэр.

Ходжес глянул на Пиво: тот стоял рядом с Тиффани и утирал текущую из носа кровь.

– Вот он, – Пиво показал на Лопеса, – влез на мою машину и ссал на нее.

– Это правда? – спросил Ходжес пехотинца. – Ты мочился на машину этого человека?

– Никак нет, сэр.

– Хочешь сказать, что он лжет? – Ходжес принюхался. – Пахнет мочой.

– Сэр, мы же в тропиках, – напомнил Арнольд. – Так пахнут гнилые кокосы.

---

[9] Джай йен (*тайск.*) – *букв.* холодное сердце. *Здесь*: сохраняйте спокойствие, не теряйте самообладания.

Пиво хотел провести Лопесу удар арсенала из муай-тай – пнуть ногой по почкам. Лопес увернулся, но Ходжес рывком поставил его на место.

– Хорош, – проговорил он, схватил Лопеса за руку и отнял пистолет. – Никаких больше драк. Сейчас мы тут разберемся, и все разойдутся по домам.

Ходжес проанализировал факты и решил, что ситуация попадает под категорию обычной проблемы. Для любого офицера ВМС существует предел обычного, о котором Сэндлер на инструктаже не рассказывал. Дювел качал головой, наблюдая за блондинкой: та стояла у машины и шепталась с Лопесом. Она напоминала ему отцовскую жену номер пять: те же грустные голубые глаза, пухлые губы, по-змеиному острые зубки, то же умение драться.

Тиффани не сводила глаз с Алисиной сумочки: наверняка и впрямь Гуччи, а не фейк. Мечта любой *катои* увидеть, как из обоссанной бэхи появляется по-настоящему стильная женщина. Но как эта русская связана с другими *фарангами*, Тиффани не понимала. Определенно *фаранги* положили глаз на «БМВ» Пива, и блондинка им помогает.

– Они угоняют тачку Пива, – сказала Тиффани вслух.

С тех пор, как подоспел патрульный отряд, она заговорила впервые. Ее голос, похожий на баритон, звучал спокойно, словно ее спросили, как сделать, чтобы детям всего мира жилось лучше. Ходжес прищурился и разобрал надпись на ленте: «Мисс Белый Сад. 1 место». Он склонил голову набок и зацокал языком.

– Конкурс красоты?

– Тиффани победила, – ответил Дювел. – Она в университете учится. Рад знакомству, Тиффани. Пиво рассказывал мне про твою учебу.

– Дювел, сейчас не время обсуждать ее учебу, – заметил Ходжес.

Пиво притянул Тиффани к себе, отодвинув ее от Дювела.

– Этот тип непристойно перед ней обнажался, – он показал на Лопеса.

– Ерунда, – парировал тот.

Монтана, стоявшая чуть поодаль, твитнула: «Трансвестит – королева красоты презрительно смотрит на пехотинца с пушкой. Так мы потеряли Ирак».

Пиво сбросил Ходжеса со счетов и двинулся прямиком к *фарангу*, донимавшему его *джай йен*, единственному вменяемому типу в форме.

– Объясни им, кто мой отец, – велел он.

– Я знаю его семью.

– Чудесно, – отозвался Ходжес. – Значит, можно расходиться. Скажите им, что мы извиняемся.

– Извиняетесь? – заржал Пиво. – Извиняетесь, мать вашу? – Он оглядел Дювела, словно проверял, не мятая ли у него форма, не рваная ли, не висят ли нитки. – Арестуй их всех, – велел он, точно считал Дювела подчиненным, обязанным выполнять его приказы.

Прежде Пиво не требовал, чтобы в его собственной стране один *фаранг* арестовывал другого *фаранга*. На Уокинг-стрит русские держат целую сеть баров и не пускают тайскую полицию на верхние этажи. Что стало с Таиландом? Появились запретные зоны. А сейчас на стоянке отцовского отеля его оскорбляют в присутствии подруги и деловых партнеров. Разве можно терпеть побои, унижения, да еще умолять *фаранга* сделать то, чем ни один тайский коп не пренебрежет, – выцарапать нал у преступников?

Монтана осветила салон «БМВ» фонариком и заглянула внутрь – пахло пивом, мотор не заглушили, кондер работал. Она села на пассажирское сиденье, дверцу не закрыла и, не отключаясь от происходящего на стоянке, настучала твит: «Три урода-морпеха, которые даже подружек завести не могут, дерутся из-за трансвестита. Нули никчемные».

– Эти парни ничего противозаконного не совершили, – сказала Алиса Дювелу.

– Похоже, тут недоразумение, – проговорил Ходжес. Получилось очень по-тайски.

– Она врет! – заявил Пиво.

– Зачем ей врать? – спросил Ходжес.

– Она говорит, что пехотинцы ничего противозаконного не совершали, – вставил Дювел.

– Дювел, ты на чьей стороне? – вскинулся Пиво.

– Ни на чьей. Я лишь повторяю Алисины слова.

– Вы тоже знаете русскую? – осведомился Ходжес.

– Да, знаю, – со вздохом кивнул Дювел. – Нам доводилось сталкиваться.

– Она склонна ко лжи?

– Я волонтер-полицейский, а не волонтер-судья. Откуда мне знать, соврет она в такой ситуации или нет?

Вопросы пошли мерзкие. У мужчин всегда так – это Монтана твердо усвоила за четыре года обучения в техническом колледже. Усвоила – и бесилась, не переставая.

– Вы должны верить мне. Я таец, – напирал Пиво.

– Может, врешь именно ты, – пробормотала Монтана, закатив глаза.

– Алиса сидела в машине. Зачем ей врать о том, что произошло? – спросил Дювел.

Монтана нажала на кнопку «Отправить» и подняла голову.

Пиво свирепо смотрел на Дювела, который не помогал прищучить *фарангов*, а задавал дурацкие вопросы, словно имел какой-то вес. Словно не считал себя нулем на палочке. «Нужно выяснить, кто именно решил выдавать форму *фарангам*», – отметил про себя Пиво. Он потолкует об этом с отцом: тот наверняка в курсе, он же местных портных опекает.

«Не стоит удивляться позиции Дювела, – думал Пиво. – Копы вечно друг друга выгораживают». Сильно разочаровало, что легавых поддержала Алиса, – она же в доле, на треть навара претендует.

– Московская шлюха! – шепнул он Тиффани и дважды прыснул в рот мятным освежителем полости рта.

Тиффани стиснула ему ладонь.

– У нее классная прическа. Как у кинозвезды, Умы… Не помню, как дальше.

Еще в отеле Тиффани заметила Уму в толпе. У бедной *катои* аж пульс участился: Ума Турман прилетела из Голливуда, чтобы увидеть, как она, Тиффани, завоевывает корону Мисс Белый Сад. По крайней мере, так показалось Тиффани.

Все выжидающе смотрели на Пиво: позвонит или нет, отпустит пехотинцев или велит задержать? Пиво сам не знал, на что решиться. Он кивнул Алисе, чтобы подошла ближе, но та не удостоила его вниманием, и Пиво подмигнул Тиффани.

– Роскошно выглядишь! – прошептала она.

– Что вы решили, хун Пиво? – спросил Дювел, подался вперед и чуть слышно добавил: – Плюнь на них, они тебя не стоят.

Дювел искренне желал Пиву добра и надеялся, что тот образумится и поймет: обвинения выдвигать глупо.

«Эта русская хочет поссориться? – думал Пиво. – Я покажу ей мастер-класс. Хочет проблем? Она их получит».

– Пойдемте в участок, – сказал он вслух. – Американец отнял у меня пистолет и мне же им угрожал.

Ходжес взглянул на Пиво, потом на Лопеса. Что разумнее, позвонить Сэндлеру или убедить тайцев сменить гнев на милость? Тут одновременно заговорили Тиффани, блондинка из «БМВ», три пехотинца и три тайца.

– Ладно, пошли в участок! – крикнул Дювел, обнял Пиво за плечо и зашептал: – Запомни, что потом врач должен осмотреть Доктора Любовь.

– Доктора Любовь? Что за имя такое? – удивился Пиво.

– Шотландское.

В глазах Ходжеса читалось раздраженное удивление: он смотрел на Дювела так же, как на афганских селян, которые после чашки чая клянчат воду и электричество, вечно бормочут себе под нос и перешептываются. Но еще хуже бородачей-селян переводчики: эти толкутся поодаль, курят ворованные сигареты и ждут, когда их позовут допрашивать пленного или подозреваемого. Ходжес еще не решил, селянин для него Дювел или переводчик.

– Звоню Сэндлеру, – заявил Ходжес. – Ситуация выходит из-под контроля.

Иначе говоря, разрулить ее он не мог.

– Думаю, со звонком следует повременить, – вмешался Дювел. – Уверяю вас, пока ситуация под контролем. После вашего звонка она из-под контроля выйдет. Кто от этого выиграет?

«Звонок», о котором говорил Ходжес, Дювел расценил по-своему. Настоящих полномочий у него не было, и он даже не представлял, что инициативность уже выходила Ходжесу боком.

– Пятнадцать минут в участке, и мы разойдемся. – Дювел жил в Таиланде достаточно долго, чтобы относиться ко времени на местный лад. – Проявите немного пиетета по отношению к этому человеку.

Пиву понравилось слово «пиетет», и он решил занести его в список «умных» слов и выражений, которые записывал в блокнотик, спрятанный у кровати. Пиетет – да, пожалуйста, и побольше. Две порции, а лучше сразу четыре.

Ходжес оглядел собравшихся на стоянке. Целая стая пехотинцев и гражданских. Дювел прав: если позвонить Сэндлеру, не попробовав уладить проблему, он превратится в уклониста-перестраховщика. Такое в личное дело занесут.

– Ладно, – кивнул Ходжес. – Пятнадцать минут в участке, и мы мирно расходимся, договорились?

– Я позвоню отцу. Через пару минут он будет в участке.

– Я так и предполагал, – кивнул Дювел.

– Эти *фаранги* завтра уедут, а ты останешься, – сказал ему Пиво. – Помни об этом.

– Не зарывайся, – посоветовал Дювел, думая о том, как сильно запекшаяся кровь на лице Пива напоминает кольца, оставленные муравьиными НЛО.

– Что-то не так? – спросил подошедший к ним Ходжес.

– Нет, лейтенант, мы решаем организационные вопросы.

– Верните мне пушку, – потребовал Пиво.

– В участке верну, – отозвался Ходжес.

Он не угрожал, но давал понять, что не прогнется. Пиво знал таких *фарангов*. В «БМВ» он садился с пустой кобурой и притихшими адъютантами.

Тиффани села за руль своего серебристого «Камри», завела мотор и положила руку на бедро Лэнни. Монтана втиснулась на заднее сиденье между Арнольдом и Крюгером. Жутко неудобно, но она сумела твитнуть: «Скучаю по Монтане. Давно не сидела между двумя парнями, которым не отшибло последние мозги».

Глава 04

Будучи трезвым, претворите в жизнь все свои пьяные обещания – это научит вас держать язык за зубами.
Эрнест Хемингуэй

Среда, 22:38
Главное управление полиции Паттайи

Монтана с айфоном на коленях сидела на жестком пластмассовом стуле лицом к письменным столам. За столами копы занимались бумажной работой – перебирали, копировали, подшивали. Один хлебнул кофе из картонного стаканчика и поднял голову ровно настолько, чтобы посмотреть, много ли народу ждет на пластмассовых стульях и много ли документов нужно обработать до конца смены.

Монтана активировала дисплей айфона и большими пальцами, как автоматическими молоточками, настучала твит. Она то и дело оглядывалась по сторонам и улыбалась Лэнни. Тот немного расслабился – уровень бешенства упал ниже взрывоопасной отметки. Порой твит в сто сорок знаков напоминает камеру, в которой тесно всем наблюдениям, мыслям и чувствам, озаряющим разум Монтаны будто фейерверк в День независимости. Она написала:

«Присутствуют: тайский гангстер по кличке Пиво. Весит он не больше 120 фунтов, выглядит не старше 13 лет, хотя, наверное, мой ровесник. Ухоженные волосы, «ролексы», туфли за пятьсот баксов; впрочем, тут чистые догадки. Почему у этих тайцев нет нормальных имен? В подружках у Пива *катои* по кличке Тиффани. *Катои* – парень, который отрезал себе член и яйца, чтобы освободить девушку, теснившуюся в коконе мужского обличия.

Пиано и Банку, телохранителям Пива, судя по их виду, члены тоже обрезали под корень. Арнольд, Крюгер и Лопес, наши морпехи, надрали им задницы. Кроме меня, в нашем патрульном отряде Ходжес и Лэнни. Еще к нам приставили старпера по имени Дювел. В форме он точь-в-точь как коп из старого фильма про чикагских гангстеров. В морскую пехоту я пошла, чтобы увидеть мир. За восемнадцать дней перевидала столько, что до конца жизни впечатлений хватит. Хоть сейчас в Монтану вернулась бы. Если бы щелкнуть каблуками и закрыть глаза…»

Дювел обрадовал Ходжеса: проигрывать тот инцидент не нужно. Лопесу не нужно влезать на «БМВ» Пива и ссать на лобовое стекло. Правильно – зачем, кому это интересно? К тому же еще неясно, что случилось, кто что сделал, кто что видел, кто сидел в машине. И это только начало. Кто ссал? Кто вытащил пушку? Кто украл пушку? Что та русская делала в салоне? В общем, вопрос на вопросе, а Дювел пообещал Ходжесу разобраться за четверть часа. Плюс-минус пара минут, разумеется.

Монтана добавила еще один эпизод: «Я объяснила дежурному копу, что Лэнни – родственник президента США. Мол, такое родство круче, чем у Пива, папаша которого держит под колпаком Паттайю. Хотя еще не факт, что круче. Отец Пива жутко популярен, и он здесь, в городе. А Обама далеко и никому не нравится. В общем, у нас тут мексиканская ничья, патовая ситуация».

Дювел объяснил Ходжесу, что к чему, и ждал ответа.

– Лопес не настоящий мексиканец, – заметил Ходжес.

– Он был пьян, – напомнил Дювел, проигнорировав это замечание. – К пьяным тайцы очень снисходительны. Им сочувствуют, как детям-аутистам. В Таиланде это один из слу-

чаев, когда действует золотое правило. Копы к пьяным всегда лояльны, поверьте мне на слово.

Дювел подсел к Лопесу, глаза у которого покраснели и набрякли, а костяшки пальцев ободрались до крови. Сзади на пластмассовом стульчике устроилась Тиффани и массировала Лопесу шею. Пиво, Пиано и Банк беседовали с начальством в зале для допросов.

– Скажите полиции, что были пьяны, – посоветовал Дювел. – Дескать, весь вечер как в дымке, вы ничего не помните, но извиняетесь за каждый поступок, который не можете вспомнить.

– Но ведь я помню все, – проговорил Лопес, глянув на Дювела.

– Вы лишь думаете, что помните. «Сингха» замещает истинные воспоминания фальшивыми, и разница не чувствуется. Поэтому она так популярна.

Мае Лек с Ким Ханг нередко напивались домашним китайским пивом до полного беспамятства. Дювел собственными ушами слышал, как после очередной попойки его тайская мать говорит с призраками в саду.

Тайским копам известно, что, с одной стороны, выпивка губит мужчину, как красивая женщина – мужчина жаждет ее, хоть она подтачивает его эмоционально, физически и финансово; с другой, она отгоняет досаду, горечь и отчаяние. От культурного уровня зависит, сколько пива выпьет человек, чтобы почувствовать себя счастливым.

Никто не погиб. Никого не ранили. Ни из одного пистолета не выстрелили. Сложная операция по спасению лица Пива достигла второго этапа.

Дювел оглядел фойе управления полиции Паттайи и быстренько прикинул, кто в лидерах: трезвенники или выпивохи? Последние лидировали с большим отрывом. Напиваться – это нормально. Совершенно ожидаемо. Пьяным простительно говорить или делать глупости и подлости. В Паттайе напиться до поросячьего визга – отличный способ забыть обо всем, и тебя еще пожалеют. А кто из рядовых граждан не хочет забыться? В рядовой ситуации процедура элементарна: пропойца платит небольшой штраф, извиняется, и его отпускают с обещанием стать паинькой. Дювел без чужих подсказок понимал, что эта ситуация не рядовая.

Все копы управления переминались с ноги на ногу, прятали глаза и делали вид, что заняты рядовыми пропойцами. Дежурные связались с начальником полиции, начальник – с генералом, генерал – с сенатором, тот – с Сиа Домом, отцом Пива, который сильно расстроился и уже приехал в управление. Теперь вызволить Лопеса из управления полиции и переправить на корабль стало сложнейшей проблемой. Дювел все больше убеждался, что человека видно по двум признакам: умеет ли он контролировать противоречия, не впадая в пагубную зависимость, и умеет ли устранять сложные проблемы, оставаясь трезвым, как стеклышко.

Участие отца Пива, влиятельнейшего гангстера, уже означало, что потребуется больше привычных пятнадцати минут и компенсации в три тысячи батов, прежде чем морпехов отпустят с миром. По словам высокопоставленного чиновника, который приехал в управление, отец-гангстер требовал, чтобы пехотинцев заковали в кандалы, поколотили и под звон цепей заперли в кишащую тараканами тюрьму лет на десять. «Стартовая позиция ясна, будем торговаться», – подумал Дювел.

– Это не пустая угроза, – сказал он, отозвав высокопоставленного чиновника на тет-а-тет. – Помешать ее исполнению может лишь то, что тайская армия не желает огорчать американцев.

В общем, Дювел затронул деликатный вопрос: кто в Таиланде хозяин, армия или копы. На деле вопрос так даже не стоит, но условности соблюдать нужно. Одного разбитого лица уже достаточно, несколько – сделают проблему неразрешимой.

Дювел оглядел американцев, сидящих на пластмассовых стульях, и глубоко вдохнул. Он почти на фут выше любого из присутствующих тайцев, и те, прикрыв рты ладонями, шеп-

тали: «*Йук. Соонг мак*». Йук – великан из мифов и легенд, которого тайцы боятся. «Соонг мак» подчеркивало, что Дювел высок даже для великана. Как бы то ни было, великан в полицейской форме уже не раз выручал полицию. Копы обожали Дювела, потому что стоило ему войти в зал для допросов, подозреваемый немедленно признавался в любом преступлении по выбору полиции.

Ходжес подсел к Лопесу и негромко с ним заговорил. Монтана воспользовалась моментом и давай тереться бедром о колено Лэнни. Он отодвинулся. Глаза у него вылезали из орбит, словно к нему льнул хищник. Девушка не отлипала. Подобное случалось и раньше, но Лэнни так и не решил, как вести себя с женщиной – офицером морской пехоты, которая упорно массирует ему ногу, а то, что ниже пояса, игнорирует. Прерывалась Монтана лишь для того, чтобы набить твит. Она словно объявляла Лэнни своей собственностью. Того это коробило, но ведь Монтана старше по званию. Он догадывался, о чем она думает: земляк Обамы в вонючую тайскую тюрьму не загремит. Она и твит на эту тему запостила. Арнольд с Крюгером очень напоминали военнопленных, которых ради пропаганды показывают враги.

ВМФ США высадил в Паттайе пять тысяч мужчин и женщин. С появлением моряков огромные деньги волшебной пылью посыпались на пивбары, дискотеки, рестораны, караоке-бары, отели, торговцев и лоточников. Кормили американцев всем городом, то есть каждый из местных урывал кусок пирога. А вот у Сиа Дома, отца Пива, возникла проблема. Американцы совершили преступление против его мальчика. Сиа Дом профессионально занимался крышеванием. При мысли о портных, владельцах баров, китайских храмов и складов, которые ежемесячно отстегивают ему деньги, у него голова болела. Пиво, первого наследника империи Сиа Дома и секретного рецепта, сильно обидели и, если не защитить сына, пострадает бизнес, репутация Сиа Дома в настоящем и Пива в будущем.

– Помогите нам, – попросил Сиа Дома главный коп по имени Манит.

Лицо у Манита круглое, мясистое, зубы потемнели от табака, голова формой как лампочка, а напомаженные волосы на ней как нефтяное пятно на поверхности моря. Короче говоря, китайское лицо, украшенное тайской улыбкой.

Сиа Дом перехватил Алисин взгляд, и то, что сходило у него за улыбку, превратилось в выражение уязвленного самолюбия. Он взял со стола листок, написал сумму, аккуратно сложил и протянул главному копу. «Разумное решение, – подумал старик. – И копы свою треть получат». Репутация спасена, проблема уладится. Сиа Дом посмотрел на Алису и снова расплылся в улыбке.

Главный коп развернул листок. Сиа Дом чувствовал, что все ждут вердикта.

– Я человек здравомыслящий, поэтому 199 999 батов, – объявил Сиа Дом, глядя на сына.

– Сумма небольшая, с учетом случившегося, вполне справедливая, а число и вовсе счастливое, – объявил главный коп, оторвав глаза от листочка. Он умолчал о том, что примерно столько обычно платят задавившие крестьянина, а за непредумышленное убийство кхмера или бирманца – и того меньше. В общем, цена абсолютно приемлемая, ведь речь идет о спасении репутации важного человека.

Дювел прикинул, сколько это в долларах. Отец Пива запросил семь штук. Лопес, как рядовой срочной службы, получает столько месяцев за восемь.

– Сколько это в переводе на нормальные деньги? – спросил Лопес.

– Около семи штук, – ответил Дювел.

– Мать вашу, вы, что, издеваетесь? – вырвалось у Крюгера.

– Скажите им, что девятки к несчастью, – предложил Арнольд.

Тайцы засмеялись над Арнольдом: в нумерологии иностранцы полные невежды. Девятка – счастливейшее число во вселенной.

Один пристальный взгляд Ходжеса, и морпехи притихли.

– Банкомат на углу. Сотрудник полиции вас проводит, – с улыбкой проговорил Сиа Дом.

Манит, которого вызвали разруливать ситуацию и предотвращать международный скандал, задержался в коридоре. Внешне он не показывал, согласен или нет с предложением Сиа Дома – лишь кивнул двум полицейским в плотно облегающей коричневой форме, которые замерли в положении «смирно» у своих письменных столов. Манит велел им провести американцев (коих набрался целый взвод) в два разных зала для допроса, подальше от любопытных глаз обывателей.

Лэнни, зажатый меж Монтаной и Тиффани, поднялся и сел рядом с Крюгером.

– Сильно вы вляпались, – проговорил он.

Крюгер пожал плечами и подался вперед: к ним приближались копы.

– Ходжес все уладит, – отозвался он, кивнув на старшего морпеха.

Лэнни выдохнул и покачал головой, глянув на Монтану и Тиффани, следивших за ним, как огромные голодные львицы. Что еще сказать Крюгеру, он не знал, и получалось глупо: зачем, спрашивается, было вставать? Лэнни считал, что морпехи попали на деньги, которых им в жизни не заработать. Их могли выгнать из ВМФ – и тогда прощайте, льготы, прощай, университет. Вряд ли хоть один из троицы служил ради привилегий в образовании, но Лэнни им все равно сочувствовал. Ситуация начисто выбилась у них из-под контроля – эта мысль пронзила Лэнни, жизнь которого протекала бесконтрольно с самого начала.

Лэнни с замиранием сердца наблюдал, как трех белых мальчиков толкают на дно ямы, из которой он сам пытается выползти буквально с рождения. Белые мальчики свято верили, что Ходжес их отмажет. Может, да, а может, и нет. «Поживем – увидим, на чем Дювел и Ходжес договорятся с копами и панком Пиво», – думал Лэнни.

Лэнни понимал морпехов. Пусть кто-нибудь объяснит тайским копам, почему Лопес обоссал «БМВ». Белые мальчики два с лишним месяца с корабля не сходили – просыпались утром и засыпали вечером, а вокруг, куда ни плюнь, вода, вода, вода. Не корабль, а тюрьма цвета металлик, пропахшая солью, солнцем и водой. Поссать на твердую землю, а раз повезло, то и на крутую тачку, значило спеть гимн жизни, в которой невозможно утонуть.

Ходжес сидел рядом с Лопесом и о чем-то с ним беседовал. Тайские копы жестом велели ему следовать за ними, и Ходжес поднялся.

– У каждого народа есть свои «можно» и «нельзя», – начал Дювел, пристроившись за Лопесом. – Открой любой путеводитель по Таиланду.

– Открывал, но про обоссанные машины ничего не увидел.

– Этот момент не освещен? – удивился Дювел.

– Порой нужно читать между строк, – нетерпеливо проговорил Ходжес.

Дювел подался к нему и объяснил:

– Этот человек очень влиятелен. – Он показал на Сиа Дома, который что-то шептал Алисе, а та кивала. – Ваши люди были на стоянке его отеля. Парень с пистолетом – его сын.

Ходжес лишь плечами пожал:

– Вы же сказали, что он гангстер.

– Точнее – и правильнее – назвать его китайским капиталистом.

Всех разделили на две группы и развели по разным комнатам для допросов. Круглолицый Манит и еще два тайских копа устроились напротив Лопеса, Арнольда и Крюгера. Пехотинцы сидели прямо, словно на заседании морского суда. Ходжес шептался с Дювелом, который занял место рядом с Манитом. Лопес твердил, что Пятая поправка позволяет ему хранить молчание и пригласить адвоката. Дювел объяснил ему, что Пятая поправка к конституции США в Таиланде не действует и права молчать не дает.

– Это неправильно! – заявил Лопес.

Дювел переводил вопросы Манита. Сиа Дом свирепо глядел на Лопеса. Пехотинцы расценили такой взгляд как обычную для военной зоны тактику обработки противника. Им

объясняли, как проводить допросы и пытки. Лопес попытался вспомнить те занятия. Он назвал свое имя, звание и серийный номер.

Дювел поинтересовался, понимает ли он вопросы, которые ему задают.

– Да, сэр, я понимаю их. – Слово «их» ударило по ушам, как шматок сырого мяса – мясницкий стол. – Но не скажу ни звука сверх того, что требует Женевская конвенция.

Ходжес сложил руки на груди и покачал головой.

– Лопес, тебя поймали не на поле боя. Такими вопросами занимается полиция. Хочешь вернуться на корабль – возьми себя в руки.

В соседнем зале для допросов Алиса сидела с Тиффани. Пиво, Пиано и Банк, похожие на панк-манекенщиков со смазанным макияжем, устроились рядом.

– Мой отец все уладит, – пообещал Пиво, глянул на Алису и закусил нижнюю губу.

– Сиа Дом уже все улаживает, – уточнила Алиса. – Ты должен быть ему благодарен.

– Хочешь правду сказать? – зашипел на нее Пиво. Эта русская приказывает ему благодарить отца!

В Пиве проснулся мальчишеский негативизм. Разумнее всего было сменить тему.

Алиса открыла сумочку от Гуччи и заметила, как вспыхнули глаза Тиффани. Достала пачку сигарет, закурила, и, не обращая внимания на Пиво, решила угостить Тиффани. Та медленно вытащила сигарету длинными пальцами и поднесла к зажигалке, которой чиркнула Алиса. Их дружба Пиву совершенно не нравилась. Девушки выдыхали дым через нос, словно специально тренировались.

– С каких пор в твоих делах присутствует правда? – спросила Алиса, наконец повернувшись к Пиву.

Тиффани хихикнула в знак женской солидарности. Алиса достала сигарету для Пиано, который без очков щурился, и для Банка – тот наклонился, чтобы закурить от зажигалки в Алисиной руке.

– Правды нет нигде, – заявила Тиффани, выдувая дым через новенькие ноздри. – Есть только сказки, которым принято верить больше, чем другим.

– Тебе нравится тот черный моряк, – Алиса не спрашивала, а констатировала факт.

– Отрицать не стану, – улыбнулась Тиффани, словно рекламируя ровные, белые зубы, за которые заплатила немалые деньги.

Пиво расстроился и нервно сглотнул, убеждая себя, что все это сюр. Как же ему хотелось выбраться из управления вместе со своей королевой красоты!

Дювел кивнул Маниту и повернулся к морпехам, у которых явно поубавилось и воинственности, и пыла. Пиво сделал отцу *вай*[10]. При люминесцентном свете мальчики из банды «Свиная голова» банду совершенно не напоминали. Сиа Дом топтался вокруг них, как боксер, ожидающий вызова на ринг. Тиффани с Алисой вошли последними. Никто не заметил или не счел нужным заметить, что Алисина сумочка Гуччи перекочевала к Тиффани. «Дар дружбы» – так назвала свой жест Алиса. Тиффани освежила макияж и поправила корону.

Побледневший Ходжес смотрел на часы, словно упрашивая стрелки остановиться.

– Вы обещали все уладить за пятнадцать минут. – Он раздосадованно покачал головой. – Если мы в ближайшее время тут не закончим, мне-таки придется позвонить Сэндлеру. Других вариантов нет.

Затравленный взгляд делал его похожим на коммандера, который взял трубку, чтобы запросить подкрепление с воздуха, ведь противник вот-вот захватит его позицию.

Еще несколько копов придвинули стулья и сели лицом к пехотинцам. Манит огляделся по сторонам, перебрал документы, захотел что-то сказать, но вдруг помрачнел. Такого расклада не ожидал никто. Манит свободно владел английским (а еще тайским и мандарин-

[10] Вай – знак выражения почтения в Таиланде.

ским диалектом китайского), но попросил Дювела переводить. Тот понимал, в чем дело: если допрос пойдет наперекосяк, Манит сделает виноватым его – мол, переводил неправильно. Диво, что этого уже не случилось, ведь Дювел переводил на английский с точностью дилетанта, швыряющего корзины в обруч с расстояния в тридцать футов.

– Сэр, я сделаю все, что в моих силах, – заверил он.

Манит говорил по-тайски пару минут, потом остановился, чтобы Дювел перевел. Тот кивнул, подался вперед и застыл на носочках, словно защитник на суде перед свидетелем.

– Сынок, – обратился он к Лопесу, – хун Пиво требует обвинить вас троих в нападении при отягчающих обстоятельствах.

Лопес заморгал, неожиданно улыбнулся, потом так же неожиданно посерьезнел.

– Этот гомик пушку на меня нацелил, вот я и задал ему жару. Не целовать же ему голубую задницу!

– Почему ты считаешь хуна Пиво гомосексуалистом?

– Мать вашу, разве это не очевидно? – спросил Лопес и по лицам копов понял, что не очевидно. – У него же помада и тому подобное. Разве натурал станет так голову гелить?

– Ты признаешь, что ударил Пиво?

– Он пушку на меня навел. Я ему врезал. А вы что сделали бы? Поцеловали бы его?

Дювел показал на Пиво и двух его партнеров.

– Ты и Пиано ударил.

– Нет, его нет. Крашенного в рыжий парня повалил Крюгер.

– Его зовут Пиано.

– Пиво, Пиано… Боже, где они таких жутких имен набрали? Небось, постоянно в драки ввязываются. Нам с друзьями пора на корабль.

– Ты не закончил, – объявил Ходжес. – У нас тут сложная ситуация, тебе с друзьями нужно объясниться с полицией. Вот разберемся, и вы вернетесь на корабль, понятно?

– Да, сэр. – Лопес запнулся. – Что я, по-вашему, должен сделать? Поцеловать его, чтоб ушибленное личико быстрее зажило?

– Ты нос ему сломал, – напомнил Ходжес.

– Он пушку вытащил.

Дювел похлопал Лопеса по плечу.

– Слушай, сынок, лейтенант Ходжес прав. Тебе стоит рассказать нам, как все случилось. Пиво говорит, ты мочился на его машину. Ты испортил ее. Ты снял рубашку. Ты был пьян и стоял на багажнике его нового «БМВ». Того самого, который отец купил ему на день рождения. Отец и сын считают, раз ты проявил враждебность и неуважение, то должен заплатить.

– Семь штук заплатить? – заржал Лопес. – За что? За то, чтобы он машину вымыл? Сколько здесь стоит мойка машины? Доллар? Я заплачу. – Он вытащил мятые баты из кармана джинсов и протянул Дювелу. – Вот, передайте Пиву. В следующий раз пусть не грозит пушкой американским морпехам.

Монтана усмехнулась про себя и твитнула: «Морпехи в полицейском управлении. Проблемы? Как же иначе, они же морпехи. Нам мозги не засирайте; хуже будет, так и знайте!»

– Может, Дювелу стоит перевести на тайский «Нам мозги не засирайте?» – шепотом спросил Лэнни, глянув на дисплей ее айфона.

– Ничего Лопесу не сделают. Тайцы топят его в дерьме только потому, что не знают, кто ты.

Лэнни зажмурился, пожалев, что пооткровенничал с Монтаной в автобусе, который вез их из порта в Паттайю. Девушка показалась… другой, способной понять, как непросто на корабле, если все уверены, что с Кенией тебя связывает военная тайна, будто ты знаешь каждого из сорока миллионов кенийцев и служишь курьером – доставляешь секретные посла-

ния из Когело, деревушки на западе страны, где живет семья Обамы, в Белый дом и обратно. Лэнни увезли из Кении трехлетним, и ни одного кенийца он не помнил. Увы, эти простые факты не мешали людям верить, что он родственник президента США.

Сослуживцы прилепляли на койку Лэнни записки, адресованные «Кенийскому информатору». Лэнни рассказывал Монтане, как отдирал записки и как это не помогло: на место содранных лепили новые. Самые упертые верят в то, во что хотят верить. Монтана, вроде бы, принадлежала к немногочисленной группе понимающих и сочувствующих. Только теперь Лэнни не мог избавиться от разочарования: девушка не уникум, она такая, как все.

– Как скажете, сэр.

Монтана – офицер, Лэнни – рядовой первого класса, который приказы офицера выполняет беспрекословно: иначе с флота недолго вылететь. У Лэнни столько друзей поувольняли, а из сплетен он знал о сотнях подобных случаев. На флоте это называется увольнением на общих основаниях, а по сути тебя увольняют и лишают льгот. Вышвыривают на улицу, как пса – мол, питаться можно и на помойке. Лэнни решил, что с ним такого не случится. Лопес и К° были на полпути к увольнению, Лэнни легко представлял, как им вручают розовые листки, и присоединяться к ним не желал. В одном Монтана права: морпехам мозги лучше не засирать, только это не значит, что ВМФ США позволит засирать мозги себе.

Глава 05

Черт подери, пиво – лучший напиток в мире.
Джек Николсон

Четверг, за шесть дней до задержания трех американских морпехов в Паттайе. Уайпорн выпивает в «Бильярдно-пивном баре Доктора Любовь».

В четверг Уайпорн в пижаме из голубого китайского шелка поливала из ведра цветок с желтоватыми крапчатыми листьями. Несколько горшечных растений стояли на солнце под большим окном ее гостиной. Ким Ханг по четвергам из дома не выбиралась. Обе женщины с нетерпением ждали среды, а в другие дни почти не разговаривали. Уайпорн гадала, не страдает ли ее подруга от одиночества. Сама она очень страдала. Зачастую все ее мысли обращались к себе, и когда такое случалось, Уайпорн словно отрешалась от внешнего мира и замыкалась в своем собственном.

Уайпорн вернулась на кухню и снова налила воды в пластиковое ведро. Она выглянула в окно и подумала, что садовые растения тоже хотят пить. Поливала она их или нет, Уайпорн вспомнить не могла. На улице было плюс тридцать восемь по Цельсию. Курам впору нести вареные яйца, как накануне выразилась соседка. В тайских метафорах то и дело мелькают домашние животные, слоны, обезьяны, ящерицы, цветы и злаковые. Судя по лексикону тайцев, через явления природы можно объяснить все, что угодно.

Вода лилась из переполненного пластикового ведра в раковину, а Уайпорн не замечала этого. Мысли ее бежали в другом направлении. Яйца, при чем же тут яйца… Ах, да… Ей приснился сон, целое море сваренных вкрутую яиц. Уайпорн пожалела фермеров, которые потеряют деньги: яйца вкрутую любят не все. Кому-то нравится глазунья, кому-то – болтунья, кому-то – пашот, кому-то – яйца в составе бесчисленных тайских деликатесов. Уайпорн проснулась, взглянула на часы и не сразу, но почувствовала, что в доме тихо. Служанка не пришла. Уайпорн ухмыльнулась. Яйца! Она поджарит себе яичницу-болтунью.

Вода наполняла раковину, но Уайпорн уже шла к холодильнику. Когда дошла, забыла, что хотела. Что-то связанное с пивом. Но ведь пива в холодильнике нет, об этом наверняка позаботился Дювел. Уайпорн пожала плечами. Ничего, вспомнит. Она наклонилась к раковине и удивилась, что там столько воды. Ведро она вытаскивала обеими руками – тяжелое, вода выплеснулась на пол. Уайпорн аккуратно обогнула лужи, вышла из дома и, не закрыв заднюю дверь, побрела к огородику и цветочным клумбам.

Уайпорн пообещала Дювелу не покидать виллу, не предупредив его. Как он бушевал, когда она «отлучилась», потерялась в молле «Сентрал плаза» и бродила там шесть часов! Служанку угораздило не появиться и в тот день, и Дювел ее уволил.

Служанка работала ежедневно и присматривала за Уайпорн по двенадцать часов, так что, по идее, получался круглосуточный уход. Уайпорн не жалела, что последняя служанка уволилась. Она уже забыла, как ее зовут, и не сумела бы опознать даже для полиции.

Больше всего на семейной вилле Ким Ханг Уайпорн любила огромный сад. Пышные лужайки, кизилы, бананы, кокосы, папайи, манго… Уайпорн поливала манговое дерево и растягивала ноги. Когда ведро опустело, она глянула на открытую дверь и подумала, что нужно сходить за водой на кухню. Только вот в саду было так хорошо, что Уайпорн поставила ведро на землю и огляделась по сторонам, наслаждаясь свежим воздухом и свободой.

Инцидент в «Сентрал плаза» для бедного Дювела закончился печально. Несколько часов Уайпорн бесцельно бродила по супермаркету, разглядывала консервы, по одному проверяла яйца, полакомилась мини-бутербродами, которые милая девушка в коротком платье

предлагала посетителям. Вдруг появился полицейский и спросил Уайпорн, где она живет. Уайпорн не вспомнила. Тогда он спросил, как ее зовут. Уайпорн ответила, что вопрос сложный. Дювел искал ее не один час. Когда он в волонтерской форме, наконец, появился в управлении полиции, ему велели подписать море бумажек и лишь потом позволили ее забрать. Ничего плохого в тот день не стряслось, Уайпорн здорово повеселилась. Раз Дювел поднял такую бучу, значит, он так и не понял, что для Таиланда это нормально – люди живут, работают и периодически теряются.

Уайпорн толкнула ведро носком, и оно опрокинулось. Она обогнула дом и выглянула на дорогу: туда-сюда носились мотоциклы, машины и трехколесные *тук-туки*. Уайпорн приложила ладонь к глазам, сомкнув пальцы в кольцо наподобие подзорной трубы, и посмотрела на солнце – так она определяла время. Тут она вспомнила, что ее любимый торговец *гай-янг*, вкуснейшей жареной курицей с рисом и соусом, начинает работу, когда солнце в тридцати восьми градусах над горизонтом. Желудок заурчал, как старая львица. Рот наполнился слюной, и Уайпорн чмокнула губами.

Она открыла ворота, шагнула на тротуар и подбоченилась. Вообще-то Уайпорн обещала Дювелу больше не бродить по городу, но ведь он не хочет, чтобы она голодала. Человеку нужно есть. Так, а она таблетку пила? Ту, желтую, мягкую, как жвачка? Таблетку Уайпорн смутно помнила, но красную, полупрозрачную: поднесешь такую к глазам, и мир превращается в огненный шар. Красную она где-то видела еще до полива цветов в гостиной. Ким Ханг проболталась, что по четвергам пиво доставляют торговцу китайской едой из их района. Имя и адрес торговца она сообщить отказалась, лишь обронила слово *гай-янг*.

Под думы о таблетках, ритуальном пиве и *гай-янг* Уайпорн не заметила, как прошла полпути до лотка. Это судьба. А еще жара и куры, которые несут крутые яйца, мучаясь адской болью. Все вместе склоняло ее к мысли, что не найти ей в Паттайе лоток с хорошим китайским *гай-янгом* и китайским же пивом из-под прилавка. Эта мысль терзала ее, терзали другие мысли, зрелища и звуки, включая голоса духов и демонов. Голоса становились громче, желудок урчал громче, и вот все слилось в бум-бах-бах, которое невидимый оркестр играл у нее в голове. Порой ее внутренний музыкальный автомат выдавал привязчивый *морлам*, пение на северо-восточный манер. Испанский фолк-рок втайне любят даже порядочные китаянки вроде Уайпорн.

Песня повторилась несколько раз, прежде чем Уайпорн сообразила, что забрела неизвестно куда. За поясом у нее припрятано двадцать батов – счастливая банкнота, которую дала Ким Ханг. Соседка – настоящая скупердяйка, но двадцатку на крайний случай дала. Уайпорн потрогала банкноту и немного успокоилась.

Что же делать дальше? Она увидела переулок, облепленный барами, тату-студиями, ателье, аптеками и «Севенами». Она остановилась у «Севена» и взглянула на вывеску. Раньше такие магазины назывались «Севен-илевен». Неудивительно, что она ничего не помнит: все, хранившееся в ее памяти, стало другим. Здания, машины, люди, названия быстро менялись, выходили из употребления и исчезали. Какой смысл запоминать?

Цифры в голове Уайпорн двигались, как тектонические плиты под Японией.

Пока она размышляла о яйцах, Японии и «Севене», из круглосуточного мини-маркета вышла девушка со свежим лицом и большими миндалевидными глазами. Она лизнула рожок мороженого и двинулась к мотоциклу «Хонда». По лбу у нее ползла капелька пота. Усаживаясь в седло, девушка лизала свой рожок и разглядывала Уайпорн. Старуха в голубой шелковой пижаме заинтересовала ее, и с каждой секундой интерес усиливался.

– Вы так похожи на мою бабушку-китаянку! Она частенько гуляла по улицам в пижаме, – сказала девушка, лакомясь мороженым.

– А китайское пиво она любила? – спросила Уайпорн.

– Обожала!

Девушке было чуть за двадцать. Длинные волосы собраны в хвост, под футболкой с надписью «Не заплатил – не пялься» оборчатый красный лифчик, трусики в тон лифчику выглядывают из-под суперзанизких джинсов. На ногах ботинки до колен с тяжелыми шнурками. Скромность к достоинствам этой девушки явно не относилась.

Уайпорн откровенно глазела на девушку. Та показалась ей знакомой, хотя всего лишь отдаленно напоминала четвертую супругу отца Дювела, и то с натяжкой, не внешностью, а стилем одежды. Супруга номер четыре одевалась как шлюха, поэтому отец Дювела и выбрал ее.

– Не знаешь, где купить *кхао-ман-кай*?

С надеждой разыскать торговца *гай-янгом* Уайпорн распрощалась еще раньше, чем девушка вышла из «Севена». Неожиданно потянуло на жирное и сытное – на курицу с рисом и горячим острым соусом. У того, кто торгует *кхао-ман-кай*, наверняка и китайское пиво найдется. «Пиво, пиво, пиво…» – бормотала Уайпорн, теребя счастливую двадцатку.

Девушка сделала *вай* и представилась Уайпорн. Звали ее Тои.

– Значит пиво, *яй* Порн? Пиво и *кхао-ман-кай*. Да, я знаю, где такое продают. Садитесь, – предложила Тои, похлопав по седлу мотоцикла. – Я отвезу вас. Ну, *яй* Порн, поехали!

Яй, или бабушка, – последний этап жизни женщины. Если тайку называют *яй*, значит, ее поезд у конечной станции, дальше ехать некуда. Уайпорн с этим смирилась. Девушка была очень милая. Таким известно, где продают лучший *кхао-ман-кай* или *гай-янг*. Ей обещали пиво – этого хватило, чтобы Уайпорн приподняла подол длинной пижамы и уселась в седло за Тои.

Первая для Уайпорн поездка на мотоцикле закончилась, когда милая девушка из «Севена» припарковалась у лотков с едой. Она заказала *кхао-ман-кай* и усадила Уайпорн на пластиковый табурет у дешевого металлического стола. Над сахарницей жужжали мухи. На глазах Тои Уайпорн вытащила ворох салфеток из коробки, стоявшей на столе, протерла ложки с вилками, вытащила еще салфеток и протерла стол. Мухи разлетелись. Уайпорн с улыбкой протянула Тои приборы.

– Вы как моя *яй*. Она тоже вечно ложки с вилками дезинфицировала, – пошутила Тои и подождала, пока Уайпорн вычистит приборы для себя. Казалось, старуха готова вычистить все, что есть в контейнере, который, похоже, некогда был банкой из-под супа «Кэмпбелл».

– А пива нет? – спросила Уайпорн. Имя девушки вертелось у нее на языке, но слетать не желало.

– У владельца нет лицензии.

«Он точно не китаец, – подумала Уайпорн. – Лицензия на китайское пиво – где это слыхано. Ритуальное пиво – для страны мертвых, а там правительство не властно».

– Вы живете неподалеку? – спросила Тои.

Такой вопрос вкупе с отсутствием пива заставил Уайпорн помрачнеть. Подобную гримасу злости и разочарования Тои не раз видела на лице своей *яй*. Услужливая память вовремя воскресила бабушкино лицо.

– *Яй*, надеюсь, я вас не расстроила. Поедем ко мне на работу. Какого только пива у нас в баре нет; возможно, и китайское найдется. Я обязательно придумаю, как доставить вас домой.

Тои коснулась старухиной руки, но Уайпорн еще не приняла решение.

– Не волнуйтесь, – проговорила девушка, увидев страх в ее глазах. – Не бойтесь, Тои о вас позаботится. Птичек любите?

Уайпорн просияла. В Америке у нее один за другим жили несколько маленьких попугайчиков и большой по кличке Залог. Большой попугай достался ей от соседа с нижнего этажа, который варил пиво, выращивал марихуану и периодически попадал в тюрьму. Образ

жизни хозяина травмировал попугая – вечером, когда Уайпорн накрывала ему клетку, он кричал: «Все по нарам!»

– Тогда вам понравится Мораг, – пообещала Тои. – Ей тридцать пять, и она говорит на языке *фарангов*. Думаю, и вы ей понравитесь. Она к тайкам неравнодушна.

– Она разговаривает?

– Не переставая. Наша Мораг – гений. Услышит реплику и повторяет таким же голосом. Ни слова не забывает.

– Ни слова не забывает? – переспросила Уайпорн, потрясенная талантом птицы. Это же самый настоящий шанс. Мораг поможет ей скрыть провалы в памяти от Ким Ханг, которая намекала, что Уайпорн забывает, сколько восковницы нужно для пива.

– Посетители обожают, когда Мораг ругается.

С тех пор, как в баре сменились хозяева, посетителей-шотландцев стало меньше, и Мораг прониклась любовью к официанткам.

– У меня жил попугай, который кричал: «Все по нарам», когда я перед сном накрывала его клетку. Какие слова знает Мораг?

– В основном, шотландские ругательства.

Новая подруга очень понравилась Уайпорн. Никакой навязчивости, в отличие от жутких сиделок, которых нанимал Дювел. Еще Тои знала, где готовят чудесный *кхао-ман-кай*. Пиво девушка так и не достала, зато у нее была старая попугаиха-ара с безупречной памятью и лесбийскими наклонностями. Когда Уайпорн села на мотоцикл к Тои, та уважительно называла ее *яй*, а не мучила вопросами, ответов на которые старуха не помнила.

Тои работала в баре на Секонд-роуд неподалеку от супермаркета «Биг Си». Секонд-роуд облепили ряды баров, на вид одинаковых с одинаково звучащими названиями – прозвища подружек, цветы, животные, пушки, а еще приветствия – например, бар «Хелло!!!». Заведение Тои называлось «Бильярдно-пивной бар Доктора Любовь».

Уайпорн удивлялась, что, вопреки бардаку, Тои помнит, в какой день ее смена. Девушка завела ее в бар и усадила на табурет у стойки, прямо перед клеткой Мораг. Затем перегнулась через стойку и велела официантке налить *яй* воды.

– Это Мораг, – представила она, кивнув на клетку. – Доктор Любовь.

Уайпорн повернула голову по часовой стрелке и посмотрела на попугаиху, которая взъерошила перья и повернула голову против часовой стрелки. Старуха и птица смотрели друг на друга и словно подмечали какое-то скрытое родство. Уайпорн вспомнила попугая из Юкии по кличке Залог, у которого выработалась наркозависимость. Мальчишкой Дювел очень его любил. Что-то во взгляде Мораг четко говорило: «зависимость».

– Как тебя зовут? – нередко подначивали попугаиху официантки.

– Мораг.

– А по-тайски?

– Доктор Любовь, – отвечала Мораг с тайским акцентом и совершенно другим голосом, низким и чувственным.

– Ты уже ела? – спрашивали ее по-тайски.

– Питаюсь выпивкой и любовью, – отвечала Мораг.

– Как твое имя переводится с шотландского?

– Обнимающая солнце, – заявляла попугаиха женским голосом с испанским акцентом.

– Что происходит, когда ты обнимаешь солнце?

– Мораг заводится. Купи выпить! В баре купи!

– Доктор Любовь, как тебе мужчины?

– Шары закатывают! – без запинки ответила Мораг. Яйца, мол, чешут.

– Мор Рак, что ты любишь больше всего?

– Втыкать! – Это слово заполняло любую паузу в разговоре, точно Доктор Любовь обладала искусственным интеллектом, запрограммированным для общения в паттайском баре. – Втыкать! – сказала Мораг голосом Шона Коннери, явно в режиме повтора. Все, кроме Уайпорн, поняли, что речь о сексе.

– Вы понравились Мораг, – засмеялась барменша.

– Полынь, – сказала Уайпорн для попугаихи и улыбнулась. – Она мне тоже понравилась.

– Угости меня, красавчик! – попросила Мораг.

Тодд, хозяин «Бильярдно-пивного бара Доктора Любовь», вошел несколько минут спустя и сел у бильярдного стола. Вот он взглянул на *яй* и закатил глаза.

Увольнительную в Паттайе отгуливали тысячи моряков ВМФ США. Если воспользоваться ситуацией, можно завлечь в бар толпы посетителей, подзаработать и свозить Алису в Краби[11]. Ей наверняка понравится. Чтобы завлечь толпы посетителей, нужно подогнать заведение под вкусы американцев. То есть приодеть и подучить английскому девушек, покрутить американскую музыку. Тодд уже добавил в меню гамбургеры, тако и буррито. Не хватало лишь морозильной камеры, чтобы хранить все это добро, но он разбирался и с такой проблемой.

Тодд переписал список дел и снова взглянул на старую неопрятную тайку в пижаме, которая разговаривала с Мораг. Она, что, старейшая барная шлюха Паттайи? Небось, не только Паттайи, но и целого мира! Она и дневных, и вечерних посетителей распугает. Если хоть один моряк расскажет своим, что видел здесь старую нищенку, бар пополнит условный список закрытых для посещения, прибавится к официально запрещенным, где пасутся террористы-смертники, наркодилеры и торговцы людьми.

Тодд отвел официантку в сторону и показал на сидящую у стойки Уайпорн.

– Что она здесь делает?

– Тои говорит, она пришла из-за Пива.

Тодд стиснул зубы и кулаки, словно они управлялись одной мышцей. Бойкот американских моряков – ерунда. Настоящие проблемы от Пива. Надо же, подослал старуху, чтобы его унизить… Пиво обожает сюрпризы и проверки на вшивость. Тодд не доверяет ни ему, ни двум его прихвостням. Будь его воля, он порвал бы с ними, но Алиса стоит насмерть: без банды «Свиная голова» за складские ворота им не попасть. Да и папаша Пива – местный туз, заводила, спец по темным делам, авторитет, мистик, пивовар, политик…

– Пиво подослал старую кошелку в пижаме? – спросил Тодд, подозвав другую девушку.

Та смутилась: сидящая у стойки на кошелку совершенно не походила.

– Нет, – покачала головой официантка. – Это бабушка Тои.

– Что же она в пижаме у стойки делает?

– Пьет, – ответила девушка, пожав плечами.

Тодд покачал головой: в мыслях полный бардак, нужно разобраться, что к чему. Он позвонил Алисе, та сказала, что едет в бар, но настроение у Тодда особо не исправилось. Все шло наперекосяк. Бывший спец по авиационному вооружению, Тодд осел в Паттайе. Отчасти это объяснялось внешней привлекательностью: зеленоглазый красавец-янки с трехдневной щетиной – женщины от таких рассудок теряют. Впрочем, лишь гримасой судьбы-злодейки можно объяснить, что он стал владельцем паттайского бара.

Мало кто катится под откос уже в тридцать два, но Тодд прямо со школьной скамьи рвался выбиться в лидеры гонки за большими деньгами. Еще немного, и все получится. Шанс, каких один на миллион, маячил у него перед носом. Еще пара дней, и он разбогатеет.

---

[11] Краби – административный центр одноименной провинции на юге Таиланда, известной белыми песчаными пляжами, кристально чистым морем и коралловыми рифами.

Покровители из ВМС США, или «золотые кобры», как зовут их местные, плюс работа на складе обеспечат ему сладкую жизнь.

Тодд издали наблюдал за Уайпорн. Она может все испортить. Старуха – дурное предзнаменование, наглядный пример того, как быстро жизнь поворачивается изнанкой, если зазеваешься.

Уайпорн сидела на барном табурете. Руки и ноги у нее скрюченные, как у птицы, даже глаза мигают, как у сокола. Она похожа на привидение, взгромоздилась на табурет и о чем-то вещает Доктору Любовь. Ладно, хоть она не от Пива. Официантки в очередной раз от него что-то скрывают. У Тои проблемы в семье, и бабку повесили на нее, как ярмо? Или старуха решила нажиться на внучке и заявилась в бар: вдруг застукает Тои с боссом и подобьет ее на шантаж?

Какую тактику избрали внучка с бабкой, Тодд не знал, но заверил себя, что особого значения это не имеет: их примитивные козни он видит насквозь. Он не из тупых боссов-*фарангов*, которым можно морочить голову и кормить байками. Бабуля свалит прежде, чем моряки появятся в городе. Вопрос только в том, когда выгнать старуху в наряде вьетконговца – плевать, что пижама не черная, – прямо сейчас, быстро и безболезненно, или пусть вольет в столетнее горло еще стакан воды?

Тодд поднялся, подошел к стойке, перехватил взгляд Тои и жестом подозвал девушку к себе.

– Что твоя бабушка делает у барной стойки?

Тои засмеялась, недоумевая, как даже тупейший из *фарангов* может принять эту старуху за ее бабушку.

– Она не знает, куда ей идти, – ответила Тои.

– Как и все живущие на Земле? – подначил Тодд.

– Она не помнит, где ее дом.

– Позвони матери и спроси. Уж она-то в курсе, где живет ваша бабушка.

Губы Тои изогнулись в улыбке:

– Она мне не бабушка.

– Тои, отрицая родство, проблему не уладишь.

Тодд подошел к стойке и перекинул ногу через табурет рядом с Уайпорн.

– Привет, я Тодд. Ваша внучка твердит, что вы забыли, где живете. Вы же понимаете, что я в это не верю?

Уайпорн улыбнулась и склонила голову набок:

– Дювел, как ты меня нашел? Я хочу домой.

– Вы меня с кем-то путаете.

– Ты кажешься ниже. Это потому, что ты не в форме?

– В какой еще форме? – Тодд сделал паузу. – Ладно, как меня зовут?

– Волонтер туристической полиции Паттайи Дювел. – Лучше всего Уайпорн помнила Дювела тридцатидвухлетним – красивым, небритым, полным надежд и планов. Но ведь рост у него давным-давно шесть футов семь дюймов. Тодд встал с табурета, и Уайпорн поняла, что ошиблась.

– Ты не мой сын, – недовольно пролепетала она. – Кто ты?

Официантки потрепали ее по руке.

– *Фаранги* все на одно лицо, – утешали они.

Тодд растер себе виски.

– Порой сам не знаю, – ответил он Уайпорн. – Что она пьет? Принесите ей, я угощаю, – сказал он официанткам.

Тои налила еще одну бутылку «Гиннесса» в большую кружку и поставила перед Уайпорн. Не совсем китайское, но *яй* Порн безропотно выпила.

– Полынь. Восковница. – Мораг испугала официанток.

– Новые шотландские варианты «трахаться», – успокоил Тодд, пожав плечами.

Полчаса, и несколько телефонных звонков спустя появился Дювел в гражданском. К тому времени Алиса, сидевшая нога на ногу, выслушала историю жизни Уайпорн – и о минипивоварне в Юкии, и о тюремном сроке мужа, и о попугае по кличке Залог. Когда старуха сказала, что ее супруг финансировал пивоварню, она еще больше полюбилась Алисе. Женщин связали высокие финансы или, как выразилась Уайпорн, высококайфовые финансы.

Алиса рассказывала про свою бабушку в Москве. О том, как русские разучились заботиться о стариках. Как несчастные старики теряли зубы, зрение, слух и волосы, как никто не пытался помочь им даже суровой русской зимой, когда слабейшие замерзали в ваннах, как их посиневшие трупы, размером не больше недоношенного плода дельфина, потом высекали ледорубами.

Алиса достала маленькую фотографию бабушки на фоне Красной площади и показала Уайпорн. Старуха вытащила очки для чтения и склонилась над фотографией.

– Бабушка боготворила Сталина, – сказала Алиса.

Уайпорн вгляделась в морщинистое русское лицо. Волосы, убранные в пучок, высокие скулы, зимнее пальто, глухо застегнутое на шее. Казалось, Алисиной бабушке холодно: ее лицо словно из замерзшей ванны вырубили.

– Она про демонов говорила?

– Не переставая, – с улыбкой ответила Алиса.

– У тебя ее глаза, – сказала Уайпорн. – Мой бывший муж называл такие сокращенно НЛЗ.

– Нежные, любящие, заботливые, – расшифровала Алиса.

– Нет, – покачала головой Уайпорн. – Невеселые, лживые, загнанные. Он и про мои глаза так говорил. Глаза НЛЗ нечасто встретишь.

В лице Алисиной бабушки Уайпорн видела сумасшедшинку, которая не исчезает даже с возрастом.

– Мы с бабушкой были очень близки.

– Думаю, на мир вы с ней смотрели одними глазами.

Раз – Уайпорн потеряла интерес и к фотокарточке, и к разговору, словно у нее в голове нажали кнопку выключателя. Алиса осторожно забрала фотографию.

Уайпорн зевнула, вздохнула и хлебнула «Гиннесса», вкус которого разительно отличался от вкуса китайского пива. Она покрутила обручалку на узловатом костлявом пальце. Мысли неслись одна за другой, как гекконы за комарами. Она выпила желтую таблетку? Почему в кружке черное пиво? Куда она попала, зачем служанка привела ее сюда? Уайпорн улыбнулась, подумав о том, что, по крайней мере, она пережила отца Дювела. Это же здорово, самая настоящая победа. Москва… Она внимательно слушала Алису, ловила каждое ее слово, но понятия не имела, о чем рассказывает белокурая девушка. Русский акцент сбивал с толку. Фотография Алисиной бабушки огорчала и тоже сбивала с толку. Шотландский говор Мораг сбивал с толку. Низкий рост Дювела сбивал с толку.

Уайпорн подняла голову, посмотрела на Тодда, потом на Дювела, стараясь определить, который из них ее настоящий сын, а который самозванец. Она смотрела на них и потягивала пиво.

– Эта женщина – ваша мать? – спросил Тодд, изумляясь чудесам генетики.

– Долго объяснять, – улыбнулся Дювел. – Вы Тодд? – Он протянул руку, и Тодд ее пожал. – Спасибо, что позвонили. Сколько я должен за то, что она выпила?

– Все в порядке, я заплачу. – Тои бросила деньги на прилавок. – Босс уверен, что она моя бабушка.

Яй явно понравилась и Тои, и Алисе. Похоже, обе видели в Уайпорн намек на то, к чему придут сами. Старуха-мумия в шелковой пижаме, восседающая на табурете в дешевом баре, – такой финал иначе как кошмарным не назовешь.

Дювел осторожно взял Уайпорн за руку:

– Мае Лек, можно идти домой. Поблагодари этих милых людей за то, что о тебе позаботились.

У самой двери Дювел протянул Тодду визитку:

– Я в неоплатном долгу перед вами, Тодд. Никогда не забуду, как вы за ней приглядывали.

У Тодда слезы на глаза навернулись. Неоплатный долг в Паттайе дорогого стоит, даже если твой должник лишь волонтер туристической полиции. Тодд спрятал визитку в карман и протянул руку.

– Хотите пива?

– Сперва нужно отвезти маму домой. У нее был долгий, тяжелый день, верно, Мае Лек?

Уайпорн сидела неподвижно, как мраморная статуя.

– Через сколько дней среда? – спросила она.

– Полынь! – крикнула Доктор Любовь, здорово подражая голосу Уайпорн.

Та обернулась и показала на клетку:

– Хочу эту птицу.

Тодд посмотрел на старуху и, увидев, что у Дювела забот полон рот, не стал навязывать ему пиво. Пусть этот псевдокоп убирается из бара вместе со старой побирушкой и никогда не возвращается.

– Буду иметь в виду, – сказал Тодд, стиснув Алисе ляжку. У них на глазах Дювел вывел мать на улицу и усадил в машину. – Почему мужчина-*фаранг* в Таиланде должен либо деньги печатать, либо сопли вытирать?

– Сам скажи, – отозвалась Алиса. – Ты ведь у нас специалист.

Тодд снова стиснул ей ляжку. Алиса ударила его по руке костяшками пальцев.

– Больно! – пожаловался он.

Алиса смахнула руку Тодда без малейших усилий, словно тот был не мужчиной, а щуплым мальчишкой. Она уже долго жила в Таиланде и видела, как умело тайки играют на родительском инстинкте *фарангов*. Они как сборщицы каучука на юге страны – и ведро соком наполняют, и дерево не губят. Вот и ей нужно надоить с Тодда как можно больше.

Алиса почувствовала, что скоро грянет буря. Страшная, наподобие метели, которая обрушилась на Красную площадь в день, когда она сфотографировала бабушку. Алиса не сомневалась, что под прикрытием «золотых кобр» часть добрых людей спасется от черных туч. Тодд, если воспользуется обстоятельствами, может оказаться в их числе. А вот тайцы Алису восхищали, потому что напоминали ей русских. И тайцы, и русские умеют выживать. Даже если потеряются, они всегда найдут дорогу домой.

Глава 06

Освоение ферментации куда важнее, чем освоение огня.
Дэвид Рэйнс Уоллес

Раннее утро пятницы, за пять дней до высадки американского десанта.
Тодд с ножевым ранением едет в больницу.

Звонок сотового разбудил Дювела в два часа ночи. На кровать полился зеленоватый свет дисплея, затем грянули первые аккорды хита группы «Аэросмит». Дювел нащупал телефон и поднес к уху.

– Это я, Тодд. Меня ножом пырнули.

– Кто это?

– Тодд. Хозяин «Бильярдно-пивного бара Доктора Любовь».

Кто такой Тодд, Дювел вспомнил не сразу. Ах да, молодой американец с бостонским акцентом. Трехдневная щетина, зеленые глаза… верно, он самый.

– Ага, парень из бара. Тодд, сейчас поздновато. Помню, я просил тебя звонить, если что понадобится, но не думал, что это случится так скоро.

– Говорю же, меня ножом пырнули.

– Что?

– Ножом меня пырнули!

В трубке слышалась целая какофония – обрывки рэпа, приглушенные голоса, кашель, крики и далекий рев мотоциклов. Байкеры Паттайи спать не ложатся.

– Что происходит?

– Мне больно, – захныкал Тодд.

– Где ты?

– В баре. Я один, помоги мне.

К тому времени, как Дювел встал, оделся и на мотоцикле выехал в «Бильярдно-пивной бар Доктора Любовь», часы уже показывали половину третьего. В баре было темно. Тодд лежал на полу рядом с бильярдным столом.

– В чем дело, дружище? – спросил Дювел, опустившись на колени рядом с Тоддом.

– Она меня пырнула.

– Кто пырнул? – уточнил Дювел.

– Нои, бывшая жена.

– И где она сейчас?

– Сбежала. Эта сучка засаду мне устроила.

Сравнительно молодой, Тодд уже нанюхался пороху на фронте паттайской семейной жизни. Он угодил в засаду и теперь, как бравый солдат, лежал на полу и, делая глубокие вдохи, держался за красное пятно, которое расплывалось на животе.

– Вы поссорились?

– Нои требовала денег, – ответил Тодд. – А как услышала, что я на мели, схватилась за нож. Взяла и пырнула меня в пузо, а я даже не заметил. Глупо, да?

– Тодд, тебе в больницу надо. – Дювел оглядел темный бар. – Где твоя русская подруга?

– Ушла домой еще до начала заварушки.

– Хочешь, я позвоню ей?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.